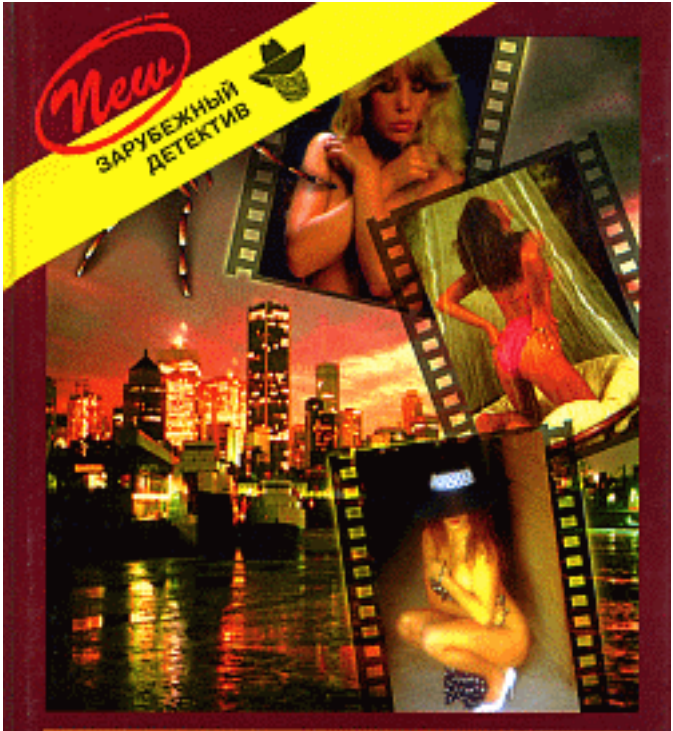

Роберт Кемпбелл

НАМ НЕ СТРАШЕН ХУЛИВУД

Роберт Кемпбелл
Нам не страшен Хуливуд
Серия «Хуливуд», книга 1

Scan, OCR: MCat78
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159973
Нам не страшен Хуливуд: Полина; Вильнус; 1997
ISBN 5-86773-098-0
Оригинал: RobertCampbell, “In La-La-Land We Trust”
Перевод:
Виктор Леонидович Топоров

Аннотация

Читателю предлагается заглянуть в закулисную жизнь «фабрики грез» – Голливуда, вместе с частным детективом Уистлером-Свистуном распутывая загадочные и страшные преступления, на каждом шагу подстерегающие как новичков, так и бывалых обитателей вожделенного города.

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 10
Глава третья 23
Глава четвертая 42
Глава пятая 51
Глава шестая 66
Глава седьмая 84
Глава восьмая 91
Глава девятая 102
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Роберт Кэмпбелл
Нам не страшен Холивуд

Коль нечего делать, делать хоть что-нибудь – уже полдела.

А коль некого любить, любить кого-то – уже кое-что.

Боско Силверлейк

Глава первая

Чиппи Берд сидел в кроваво-красном, с пластиковым покрытием, четырехдверном «плимуте» 1976 года, выставив наружу правую руку, из которой веером торчали десятки, тогда как левая упорно старалась забраться под юбку к Лейси Огайо.

По-настоящему его звали Честером Бухерлейдером. По-настоящему ее звали Лореттой Оскановски. Чиппи казалось, будто он смахивает на Фреда Астера, поэтому его волосы были прилизаны и расчесаны на прямой пробор по моде тридцатых. Лейси казалось, будто она, при удачном освещении, смахивает на Бетт Дэвис в ее младые дни. Он был самым настоящим громилой. Она – преступницей-дилетанткой, подумывающей о том, чтобы перейти в профессиональную лигу. Об их романе поговаривали глухо и тревожно.

Они припарковали машину под магнолиями на набережной у прогулочного пирса, ведущего на самую середину озера Понтчартрейн. А это, как всякому понятно, означает, что дело происходило в Новом Орлеане. Хотя, как Чиппи внушил Лейси, они могут немедленно перенестись в райские кущи, стоит ей раздвинуть ноги.

Насчитав краешком глаза добрый десяток двойников Гамильтона и мысленно прикинув, как славно они повеселятся, Лейси уже была готова уступить, как вдруг другая машина – белый «кадиллак» с откидным верхом и серой антенной на правой передней части крыла – притормозила буквально у самой воды, раскидав задними колесами кучу камешков.

Под любопытными взглядами Чиппи и Лейси из машины вылезли двое – здоровяк и коротышка, смеясь во все горло и самым неистовым образом почесываясь. Наверняка они были под градусом или употребили еще что-нибудь, позволяющее миру вокруг них сверкать и петь. У одного из них под мышкой было нечто, смахивающее на завернутый в газету футбольный мяч. Они принялись перебрасываться этой штуковиной. Один из них промахнулся, и «мяч» стукнулся оземь, однако не отскочил. Тогда они принялись гонять его ногами, гогоча, как парочка баньши в полнолуние.

Чиппи не удивился, обнаружив, что руки у него вспотели. Он сидел тихо как мышь, уповая только на то, что парочка пьянчуг не обратит внимание на его присутствие. Уповая на то, что Лейси не вздумается – исключительно ради забавы –

нажать на клаксон. В этих двоих было что-то, заставившее его насторожиться. Чутье подсказывало ему, что они способны пришить его на месте и изнасиловать Лейси просто ради потехи. Или, может быть, наоборот. Сам не зная почему, он проникся уверенностью, что дело обстоит именно так, и внезапно понял, что и до Лейси это доперло.

Коротыш нанес мощный удар по «мячу». Здоровяк бросился перехватить «мяч», но промахнулся. «Мяч» улетел в прибрежные заросли. Встав на четвереньки, они принялись искать его и провели за этим занятием, должно быть, пять минут. Когда они вновь встали во весь рост, грязь была у них на локтях и коленях, руки же оставались пустыми.

– Ну и хрен с ним. Это сказал коротыш.

– Господи, куда же эта дрянь подевалась, – ответил здоровяк. – Не могли же у нее внезапно вырасти ножки, чтобы она отсюда смылась.

– Да и не один ли хрен? Раз нам ее не найти, значит, никому другому не найти и подавно. Баркало сказал: "Избавьтесь от нее", вот мы от нее и избавились, верно? Разве мы только что от нее не избавились?

Здоровяк захихикал было, похлопав себя большими мясистыми руками по ляжкам, потом опять посерьезнел.

– Баркало взбесится, если узнает, что мы не похоронили ее, как нам было велено.

– Да я первый взбешусь, если ты не заткнешься! Нельзя же чуть что напускать полные штаны. Хреновина пошла ко дну

этого сраного озера. Ну, и что, на хрен, прикажешь делать? Нырять за ней?

– Хер с ним, – сказал здоровяк.

– В точности мои слова, – подхватил коротыш. – Единственное, чего я прошу от тебя, веди себя поразумней.

– Но я ведь сказал "хер с ним", не так ли? Здоровяк вернулся в машину и уселся на пассажирское сиденье.

– Именно так, – согласился коротыш.

Он включил двигатель – и «кадиллак» умчался прочь с набережной.

Чиппи с Лейси остались в полном недоумении.

– Ну, и что все это значит? – спросил Чиппи.

– Не знаю и знать не хочу, – ответила Лейси.

– А на чем мы остановились?

– Мы как раз собирались отвезти меня домой.

– А теперь-то чего бояться? Они уехали.

– Им могут приказать вернуться.

– Чего ради?

– Поискать ту штуку, которой они здесь в футбол гоняли.

– Ты же слышала: они сказали "хер с ним".

– А еще я слышала, как один из них сказал: "Баркало взбесится, если узнает, что мы ее не похоронили". Если парочка таких громил настолько боится этого Баркало, мне бы не хотелось оставаться здесь в ту минуту, когда он приедет проверить, правильно ли выполнены его распоряжения… Господи, а это еще что такое? – внезапно пропищала Лейси.

Чиппи поглядел в указанном направлении и увидел забавную сценку, разыгрывающуюся у самой кромки воды.

– Опоссум.

– Да… какая безобразная тварь… А что он делает?

– Откуда мне знать?

А опоссум занимался вот чем: он вытаскивал из воды круглую штуку, завернутую в газету. Намокшая бумага уже частично слезла.

– Отгони его, – сказала Лейси.

Чиппи посветил передними фарами. Зверек-тугодум сперва повернулся в сторону света, отчаянно заморгал, растерявшись, но ничуть не испугавшись. Одну лапку он по-прежнему держал на загадочном предмете.

Чиппи подобрал с пола бейсбольную биту, которую на всякий случай держал в машине, и открыл дверцу.

– Куда это ты? – спросила Лейси.

– Отгоню чертова опоссума, – ответил Чиппи. Ему хотелось показать, какой он смелый, какой мужественный, какой идеальный сексуальный партнер.

Он остановился на расстоянии в десяток футов от опоссума. Тот посмотрел на мужчину, как старик, куда-то задевавший очки. Чиппи видел, что зверек отчаянно гадает, стоит ли выуженный им из воды предмет того, чтобы за него побороться.

Чиппи и сам решил присмотреться к этому предмету.

– О Господи, – в ужасе простонал он. Опоссум внезапно

бросился наутек.

– Что это такое? Что это такое? – закричала из машины Лейси.

Это была человеческая голова. Изуродованная и распухшая. В клочьях сорванной то здесь, то там кожи. Один глаз открыт, другой закрыт. Голова с ослепительно черными волосами. Человеческая голова, без каких бы то ни было сомнений.

А теперь объясните, каким образом растолковать ей смысл находки, сохранив при этом хотя бы малейший шанс стянуть с нее нынешним вечером трусики?

Глава вторая

Стоял уже второй час ночи, а веселье в доме Уолтера Кейпа, расположенном на самой вершине высочайшего из голливудских холмов, только набирало силу. Кейп никогда не назвал бы свой дом особняком – это уж попахивало бы чрезмерной роскошью.

Весь холм был преображен, изрыт туннелями и изборожден рвами, чтобы собрать под одной крышей территорию площадью в десятки тысяч квадратных футов, способную догнать (если не переплюнуть) самые величавые дворцы магнатов кинобизнеса, склонность к пороку и роскоши которых была общеизвестна и служила самым что ни на есть дурным примером.

Кое-кто говорил об этом со смехом или с ухмылкой, но никто из тех, с кем довелось повстречаться Кейпу, будь это мужчина или женщина, не погнушался бы вылизать его вошедшую в поговорку задницу в высоком стрельчатом окне ради того, чтобы получить приглашение на уик-энд с ночевкой в одной из здешних неописуемых спален или на одну из легендарных вечеринок, на которых заключаются сделки и делаются состояния.

Исподволь перешептывались и о других, еще более фантастических мероприятиях, в ходе которых актрисы (в том числе и весьма известные актрисы) пляшут на гигантских

каблуках, не прикрыв тело ничем, кроме пояска с конским хвостиком, а могущественные и богатейшие мужчины скачут на них верхом. Перешептывались о противоестественных сношениях, на которые подбивали юных старлеток. О преступлениях против Господа, замешенных на педофилии.

Кейп слыл знаменитостью и совершенным мерзавцем, проживая в постоянном конфликте между своими образами – общественным и приватным.

На сегодняшней вечеринке присутствовало двести гостей. И к настоящему времени их оставалось еще около сотни. Самые любопытные. Самые алчные. Самые мнительные – которым кажется, что стоит им усесться в машину и поехать домой, как тут же и начнется нечто совершенно незабываемое. Незабываемое и неописуемое. Заключат сделку на фильм с десятимиллионным бюджетом. По бросовой цене выставят на продажу вишневый «роллс-ройс» последнего года выпуска. Пьяная актриса грохнется голой задницей в чашу с пуншем и объявит, что готова дать всем – хоть по очереди, хоть сразу.

Кое-кто дожидался возможности поговорить о делах с самим Кейпом.

Кейп прокладывал себе дорогу в толпе, подобно пройдохе продавцу – там гладя по плечу, тут шлепая по попке, оглушительно смеясь на ходу, одаряя ослепительной улыбкой то одного, то другого, скользя по дорогим коврам с победительной лихостью удачливого политика или даже самого папы

римского. Сейчас, когда в ходе веселья наступило относительное затишье, потому что многие уже напились, а прочие настроились на благодушный лад, он и сам начал держаться потише, оглядывая собравшихся ленивым, чуточку усталым взглядом всеобщего любимого дядюшки.

Он тронул за плечо женщину, одетую в самую малость цветастого шелка. Она обернулась, улыбнулась и последовала за ним по длинному коридору в маленький кабинет, обшитый деревом и обтянутый кожей. На стенах, в ореховых рамочках, висели бабочки, пришпиленные к зеленому сукну.

В бокал, который она держала в руке, он плеснул на три пальца скотча, поинтересовался, не нужен ли ей лед. Она зябко повела голыми плечами – в помещении вовсю наяривал кондиционер. Он подошел к электрокамину и включил его. Вспыхнуло искусственное пламя среди объемных макетов аккуратно сложенных поленьев.

– Не слишком ли это расточительно, – спросила она, усаживаясь в ближайшее к очагу кресло, – охлаждать воздух и вместе с тем включать камин?

Он опустился в кресло напротив нее.

– Атмосфера играет огромную роль, Мэй.

– Мне больше нравится на конюшне, – возразила она.

Мэй Такерман нравилось утверждать, будто она, подобно Отису и Дороти Чандлер, занимается средствами массовой информации. Им принадлежит газета "Лос-Анджелес

таймс". Ей принадлежит сеть каталогов, снабжающих информацией покупателя на всем пространстве от округа Монтерей на севере до Сан-Диего и округов Империал на юге и до границы с Невадой на востоке.

Ей нравилось утверждать, будто чета Чандлеров оказывает на людей большее влияние, чем она сама, во всем, что связано с вопросами общенациональной и международной политики, но что, когда дело доходит до местных проблем или же вопросов, решаемых на уровне штата, она играет первую скрипку. Спросите у любого, кому вздумается поступить на службу, не пригласив предварительно старушку Мэй попить чайку.

Да и во многих других отношениях она не была похожа на Дороти Чандлер. Возвышенные материи оставляли ее совершенно равнодушной. Новая постановка мюзикла «Оклахома», перезапись «Чаттануги» в исполнении Гленна Миллера, вечные выдумки танцовщиков – вот что интересовало ее по-настоящему. Стейк с жареной картошкой, виски с пивом, самозабвенные занятия любовью без каких бы то ни было изысков – все это ее вполне устраивало. Подобно большинству американок, она любила положить себе на тарелку как можно больше, кто-нибудь мог бы сказать – с перебором.

Одевалась она главным образом в джерси и джинсу. На торжественные мероприятия могла облачиться в вечернее платье в обтяжку и практически в голяка, ничуть не смущаясь тем, что задница у нее была, по собственному призна-

нию, толще некуда, а сиськи как две сосиски.

В пятьдесят она выглядела на сорок и не спала с мужчинами старше тридцати пяти. Предпочитала молодых садовников и мастеров с телефонной станции. Богачка, она строила из себя чуть ли не нищенку, разъезжая в потрепанном и обшарпанном пикапе, пропахшем конским навозом с ее ранчо на плоскогорье Малибу, где она держала вперемежку чистопородных и беспородных лошадей в совершенно одинаковых стойлах.

Мужа у нее не было, да она и не помышляла о замужестве. Неоткуда было взять мужика, способного предложить ей больше денег, веселья, безопасности и власти, чем у нее уже было. Кроме того, как она часто говорила, стоит ей обзавестись мужем – и в один прекрасный день какой-нибудь журнал включит его в список пятидесяти самых влиятельных мужчин города, а ее выставят при этом эдакой домохозяйкой, не чуждой благотворительности. Она из людей, которые сделали себя сами, утверждала она. И уж наверняка ни один мужик не приложил рук к этому процессу.

– Изумительная вечеринка, как всегда, Уолтер.

– Хорошо повеселилась?

– Заметила, что у тебя множество новых слуг.

– На твой выбор, Мэй. Любой из них готов клюнуть – не на одно, так на другое.

– Знаешь, Уолтер, не будь ты миллионером, из тебя вышел бы высокопрофессиональный сутенер.

– Дело не в деньгах, детка, а в удовольствии от самого процесса. И ты прекрасно понимаешь это.

– А почему, Уолтер, ты пригласил меня во внутреннее святилище? – спросила она не без налета, как правило, не присущей ей робости. Поглядела на огромный письменный стол в американском стиле – с толстыми дверцами, за которыми скрывалось множество ящиков размером с добрый скворечник, не говоря уж о сотнях всяческих тайников и тайничков. Стол орехового дерева был изготовлен где-то между 1860 и 1875 годами, это было истинное сокровище, оценивать которое следовало буквально на вес золота. Извлек мое досье из своей специальной картотеки?

– Ты полагаешь, Мэй, что я держу на тебя досье?

– Я полагаю, что ты завел досье на собственную мать, причем еще до того, как родился на свет.

– Я кое-что задумал, и это может заинтересовать тебя.

– Денежный интерес или удовольствие, извлекаемое из самого процесса?

– Что тебе известно о домашних видеотеках?

– Ты имеешь в виду игровые фильмы?

– Игровые фильмы, видеоклипы, видеоинструкции, эротическая продукция…

– Порно?

– А ты что-нибудь имеешь против?

– Зависит от того, кто на ком сидит верхом. Кто машет, а кто подмахивает.

– А как насчет пятидесятипроцентного ролевого расклада участвующих сторон?

– Лично я не против. Строго говоря, Уолтер, женщин порнопродукция, как правило, не возбуждает. Или тебе не доводилось об этом слышать?

Левый глаз Кейпа слегка задергался.

– Ничего нельзя сказать заранее, – возразил он. – Женщинам предстоит занять полноправное место в мире. И, возможно, мы скоро узнаем об их истинных предпочтениях.

– В разговоре на эту тему мне следует держать ухо востро. Не хотелось бы мне оказаться в ситуации, которую я толком не понимаю. Так о чем идет речь?

– Об эротике.

– То есть о порнографии.

– В этом деле вертятся три миллиарда в год.

– За такое дерьмо – и такие деньги!

– Именно так я к этому и отношусь. А как насчет тебя, Мэй? У тебя есть моральные проблемы, связанные с дерьмом?

– Нет, пока никто не обнаружит его на ковре в моей спальне.

– Я не предлагаю тебе, Мэй, заняться съемками порно вместо Джонни Карсона. Просто хочется, чтобы ты заработала.

– Ну, и как далеко ты собираешься зайти?

– Меня не интересуют реальные половые акты, ночные

клубы и все прочие аспекты бизнеса, так или иначе связанные с личными проблемами. Я собираюсь консолидировать производство и взять под свой контроль распространение печатной продукции, фильмов и видеокассет домашнего пользования на всей территории к западу от Миссисипи.

– Даже если отвлечься от конкретного предложения, на мой взгляд, этого дерьма и без того циркулирует более чем достаточно.

– Достаточно, Мэй, не бывает никогда. Не говоря уж о том, что смешивать этот коктейль надлежащим образом мало кто способен. Как и любой другой, рынок эротической продукции фрагментирован. И баснословные барыши уплывают только потому, что производители эротического ширпотреба не учитывают особые запросы неких весьма малочисленных, но крайне состоятельных групп клиентуры.

– Ну, и с каких капиталовложений ты собираешься начать?

– С десяти миллионов. Четыре на производство. Три на распространение. Два, если понадобится, на подкуп.

– А последний миллион?

– На непредвиденные расходы.

– А какова стратегия инвестиций?

– Я уже связался с фирмой, обладающей обширным опытом на данном поприще.

– И где она находится?

– В Новом Орлеане. Но через неделю они переберутся сю-

да.

– Ну, и сколько у меня времени на размышления?

– Как насчет трех дней?

– Не слишком-то много, чтобы как следует проникнуться идеей.

– Если, Мэй, ты сильно предубеждена против этой затеи, то почему бы тебе не отказаться сразу? – Он встал, подлил ей в бокал еще на два пальца. – Выгодные предложения появятся и потом.

Мэй четко расслышала намек, переходящий в угрозу. Откажись от предложения, сделанного Уолтером Кейпом, и весьма сомнительно, чтобы ты когда-нибудь получила другое. Отечески, вот он как себя ведет. Отечески. Пока ты относишься к нему как к всемогущему папочке, он старается сделать твою жизнь поприятней. Отвергни знаки его великодушия и внимания – и он осыплет своими милостями кого-нибудь другого.

– Мне просто хотелось бы получше разобраться в том, что за фильмы ты предлагаешь мне частично профинансировать. Я публикую серию статей, в которых бичуется детская порнография, и совесть просто не позволила бы мне заняться чем-нибудь, хоть как-то с этим связанным.

– Вот как?

Кейп словно бы проверял, насколько серьезны ее слова. Он вновь уселся в кресло. Посетовав на собственную невнимательность, Мэй наконец заметила, что он сидит так, что

его лицо остается в тени, тогда как она сама ярко освещена и словно бы обнажена под его испытующим взглядом.

– Хотелось бы мне посмотреть на ублюдков, которые путаются с детьми, избивают их и всякое такое, – неуверенно сказала она, чувствуя проигрышность собственного положения.

– Что ж, Мэй. Не думаю, что кто-нибудь отнесется к таким чувствам иначе, нежели с глубочайшим пониманием, – подчеркнуто бесстрастным тоном сказал Кейп.

Она поняла, что ей в каком-то смысле приказали держаться от опасной темы подальше. И подумала о том, нет ли правды в грязных историях, которые рассказывают про Кейпа. А что, если это не всегдашняя зависть к чужому богатству, успеху и славе?

Например, согласно одной из этих историй, Кейп держит красавицу в дальнем крыле здешнего дома с тем, чтобы она всегда была под рукой. Рассказывают и о других красотках (непременно с большими титьками), которых он распихал по частным квартирам и гостиничным номерам, рассредоточив по территории всего города.

Согласно другому слуху, в доме живет маленький мальчик, лет семи или восьми, принимающий участие в игрищах с самим Кейпом и поселенной им в доме шлюхой. Одна из версий носила и вовсе сказочный характер: не то гнездо кукушки, не то братья Гримм. Согласно ей, мальчик был вовсе не так уж молод, но так раз и навсегда и остался семилетним.

Или восьмилетним.

– Но тебе следует понять, Мэй, – продолжил Кейп, – если ты присоединишься ко мне в этом бизнесе, тебе придется ради нашего общего блага пойти с этими статьями на определенные ограничения.

– Ты хочешь сказать, не публиковать их?

– Я этого не сказал, не правда ли? Я говорю о тональности, об обертонах, об общей честности повествования. Вопрос о том, что такое порнография, так и не имеет однозначного юридического истолкования. И все это напрямую связано с Первой поправкой. Я всего лишь исхожу из предположения, согласно которому ты не встанешь однозначно на ту или иную сторону, но выдашь читателям всестороннее и сбалансированное изложение вопроса.

– Ради Бога, Уолтер. Тут простой констатацией не отделаешься. К этому тебе без строгой моральной позиции не имеет смысла и подходить.

– Строго говоря, это-то я тебе и внушаю. У тебя нет необходимости публиковать эти статьи. Наша жизнь и без того достаточно трудна, чтобы осложнять ее проблемами, могущими приобрести глубоко индивидуальную окраску. Но ты, Мэй, разбираешься в газетном деле лучше моего. Весь вопрос заключается в том, чтобы улаживать конфликт интересов, не правда ли? Так почему бы тебе еще раз тщательно не продумать весь этот вопрос, чтобы понять, в чем заключается лично твоя выгода?

Мэй хотела было что-то сказать, но смешалась. Она прикрыла лицо грубой, иссеченной шрамами, рукой.

– Дерьмо оно дерьмо и есть, – сказал Кейп. – А порнушка – это порнушка. Я не сомневаюсь в том, что ты разделяешь по данному вопросу мою точку зрения: все, что не запрещено в законодательном порядке, дозволено. Видеокассеты – это путь эротики, или, если тебе это больше нравится, порнографии в восьмидесятые. Перспективный путь.

Мужчина в черных носках, гоняющийся вокруг дивана за женщиной в черных чулках, – это вчерашний день. Я привожу из Нового Орлеана производителя, который знает толк в деле. У него богатый опыт, он знает весь производственный процесс изнутри. Акционеры станут пайщиками предприятия, специализирующегося на индустрии развлечений. Им даже продукцию отсматривать не придется, если, конечно, самим не захочется.

– Если ты и впрямь не замышляешь ничего чудовищного, я подумаю над твоим предложением, – сказала Мэй.

– Я не могу заранее гарантировать тебе полную кошерность мероприятия, Мэй. И ты прекрасно знаешь об этом. Тебе придется довериться мне и людям, которых я привлеку.

И тут она почувствовала, что разговор окончен. Она поднялась с места. Кейп, при всей своей всегдашней учтивости, и не подумал встать из красного кожаного кресла, в котором сидел так, что лицо его оставалось в тени и было поэтому совершенно непроницаемым.

Когда Мэй подошла к двери, он бросил вслед:

– Не попросишь ли ты, Мэй, зайти сюда на минуточку Фрэнка Менифе?

– Конечно! А ты хочешь привлечь его людей к делу?

Кейп промолчал.

– Почему ты решил заняться этим, Уолтер?

– Заняться чем, Мэй?

– У тебя хватает денег, чтобы прямо сейчас удалиться на покой. Ты можешь купить что-нибудь другое, сеть автомастерских или небольшую нефтедобывающую компанию. Почему тебе хочется прямо на сковородку?

– Потому что там-то и идет настоящая жизнь, Мэй. Там, где волки гуляют по лесу.

Глава третья

Имя у него, понятно, было, но с такой фамилией, как Уистлер, оно тебе вроде и ни к чему: все равно люди будут звать тебя Свистуном. Он сидел в небольшой нише у окна в баре «У милорда» – как раз подходящее названьице для занюханной кофейни, в которой хозяйничает отставной гитарист по имени Боско, а отставником он заделался, потеряв руку в перестрелке из-за какой-то бабы.

Дождь смыл с тротуара малолетних проституток и проститутов, сутенеров и своден, карманников и уличных грабителей, как будто весь Хуливуд окатили из одного ведра. Опустевшие улицы выглядели столь же тихо и невинно, как, допустим, в пятидесятые, когда сам Хуливуд был еще маленьким красивым городком, а Свистун ходил в янгстерах и заглядывался на девок.

Город и мальчик сперва выросли, а потом состарились, можно сказать, на параллельных путях. С возрастом оба стали хрупкими, чтобы не сказать ломкими, а лица обоих ожесточились от бесчисленного количества закрытых окон и захлопнутых перед самым носом дверей.

И вот они остались наедине друг с другом. В два часа ночи здесь больше не было ни души.

Боско читал "Жития Святых". Свистун читал газету "Энквайрер".

– Какого хрена ты читаешь это дерьмо? – спросил Боско, подойдя к Свистуну наполнить ему чашку.

– Потому что меня тошнит от настоящих новостей, – ответил Свистун. – Сплошной ужас. Лучше уж почитаю про то, как актрисулек душат собственными чулками и как трупы восстают из могил по всему Хуливуду. Надо же хоть самую малость верить в чудеса, а здесь их хоть отбавляй.

– Поди домой да поспи.

– Жду, пока дождь не кончится.

– А он никогда не кончится. Сегодня пятнадцатое июля. День Святого Свайтена. Когда дождь зарядит в день святого Свайтена, это значит, что он будет лить сорок дней и сорок ночей, – авторитетно заметил Боско, после чего вернулся к своей книге.

А Свистун вернулся к своей газете.

На третьей странице, под рубрикой "Едкие чернила", была помещена заметка из Нового Орлеана, датированная двумя днями ранее.

"Сегодня рано утром, на пустынной набережной возле мола на озере Понтчартрейн, мистер Чиппи Берд, проживающий по адресу Бурбон-стрит, 978, сидя в машине вдвоем с мисс Лейси Огайо, увидел двух мужчин, которые, как могло показаться, играли в футбол.

"Они вели себя как пьяные, – сообщил репортеру мистер Берд. – Они пинали мяч, гоняли его туда и сюда, пока он не закатился в озеро. После чего они сели в белый «кадиллак»

1981 года выпуска с откидным верхом и антенной на одном крыле и укатили прочь. Опоссум, очутившийся поблизости, извлек мяч из прибрежных зарослей. Моя подружка сказала, что этот мяч выглядит как-то странно, а когда я воскликнул: "Вот как, странно?", обратила мое внимание на то, что мяч не совсем круглой формы и вдобавок почему-то завернут в газету. Так что я пошел посмотреть на него как следует. И испугался до полусмерти, увидев, что это никакой не мяч, а человеческая голова".

Голову забрала полиция Нового Орлеана. Поверхностный осмотр, к настоящему времени законченный, свидетельствует о том, что это сильно изуродованная голова примерно двадцатипятилетней женщины азиатского происхождения".

– В Новом Орлеане извлекли из озера отрубленную человеческую голову, – сказал Свистун.

– У нас такое бывает считай что ежедневно, – ответил Боско. – Эти пидеры-колдуны отрубают головы двоим людям и выставляют их впритык друг к дружке где-нибудь у воды. А потом спрашивай у этих голов, о чем хочешь, они на любой вопрос дадут ответ.

– Да, Боско, вот уж не ждал от тебя подобных познаний. Как ты думаешь, не стоит ли нам прошвырнуться по парку генерала Маркартура? Может, найдем парочку голов, а они подскажут нам выигрышный заезд в Санта-Аните?

По бульвару, громыхая, покатила разбитая колымага.

Навстречу ей, от кинотеатра, помчался серебристый

«БМВ» 635 модели в световом туннеле, образованном его собственными передними фарами.

Свистун наблюдал за развитием событий с меланхолическим равнодушием человека, которому заранее известно, что случится самое худшее. На дороге находились всего две машины, и, следовательно, они должны были столкнуться со всей неизбежностью. Дождливой ночью в Хуливуде иначе не бывает.

И когда это произошло, Свистун уже успел подняться на ноги.

– Как ты думаешь, полсотни баксов квалифицированному свидетелю обломится, а? – спросил он, спеша к выходу.

"БМВ" врезался в бок колымаге, отшвырнув ее по бульвару на подъездную дорожку прямо к стеклянной витрине «Милорда». Машина врезалась в уличный фонарь, пожарный гидрант и афишную тумбу, все ее дверцы раскрылись, водитель вывалился наружу.

К тому времени, как он завершил свой полет, больше всего он смахивал на разбитую фарфоровую статуэтку. Все вокруг было залито его кровью. Но самое худшее заключалось даже не в этом.

Самое худшее заключалось в том, что с заднего сиденья колымаги вылетело еще одно тело. Вылетело и приземлилось возле афишной тумбы, частично обклеенной старыми номерами «Энквайрера» и «Уорлда». Это было обнаженное тело. Обнаженное женское тело. Обнаженное женское тело без го-

ловы.

Издатели «Энквайрера» и «Уорлда» не могли, разумеется, даже надеяться на подобную дань уважения своим трудам. Свистун, однако же, не слишком удивился, потому что, прожив долгую жизнь в Хуливуде, разучился удивляться чему бы то ни было.

"БМВ" и сидящим в нем повезло куда больше, чем водителю и пассажирке колымаги. Машина осталась на ходу, хотя радиатор, разумеется, был поврежден. На мостовую из него так и хлестала охлаждающая жидкость. Передние бамперы были похожи на алюминиевую фольгу, смятую в гармошку. Искореженные покрышки шипели, как раненые звери, в той пугающей тишине, какая всегда наступает после грохота аварии.

И тут с пассажирского сиденья послышался истерический вопль.

Свистун подошел и открыл, потянув на себя, дверцу. У потрескавшегося ветрового стекла сидела чрезвычайно хорошенькая молодая женщина. Ее юбочка была задрана, а трусики спущены. Она начисто позабыла о том, какое зрелище собой представляет. Вроде бы она в инциденте никак не пострадала. Крик ее, однако, звучал по нарастающей. Свистун схватил ее за длинные золотистые волосы, заставив повернуться и посмотреть ему в лицо. Ее глаза по-прежнему ничего не видели, ее предохранители были готовы вот-вот полететь. Свистун дважды хлестнул ее по лицу – и она, не

издав больше ни звука, повалилась ему в объятия.

Ему ничего не оставалось, как вытащить ее из машины. Надо было или затащить ее в бар, рискуя заработать грыжу, или опустить прямо здесь на грязную мостовую. Водитель выбрался из машины и, широко расставив ноги, оперся на крышу машины, в попытке обрести равновесие. Затем его руки скользнули вниз: он застегнул молнию на брюках. Свистун знал этого человека. Ну, строго говоря, лично не знал, зато ему было известно, кто это такой. Каждую неделю его показывали по ящику в полицейском телесериале. Он играл белого агента, внедренного в мафию. А другой актер, похожий на смуглого кавказца, играл полицейского-негра. Сериал как сериал. Не считая того, что в сериале серьгу в ухе носил негр, а в жизни – тот, кто играл белого агента.

Он провел рукой по уху, чтобы убедиться, что серьга никуда не делать, потом в недоумении уставился на Свистуна, словно решил, будто тот вознамерился похитить его подружку. Потому что с какой стати этот чужак стоял бы посреди дороги, сжимая ее в объятиях.

– Эй, парень, – не без враждебности начал он.

– Если вы ко мне, то моя фамилия Уистлер, – сказал Свистун. – А вас зовут Эммет Тиллмэн. Я видел вас по ящику.

Актер, ухмыльнувшись, откинул волосы со лба.

– Идти можете? – просил Свистун.

– А что, черт побери, происходит?

– Вы выпили или нанюхались?

– Я пропустил пару бокалов за ужином. А наркотиков я не употребляю.

Тиллмэн старался держать фасон.

– А идти вы можете?

– Разумеется, могу.

Тиллмэн обошел «БМВ» сзади. Свистун увидел, что хмель еще не слетел с него полностью.

– Что ж, пошли в кофейню, пока я не уронил вашу барышню.

Тиллмэн так и поступил, подчиняясь Свистуну, словно тот был режиссером на съемочной площадке.

Боско уже открыл перед ними дверь.

Входя, Тиллмэн обратил внимание на пустой Рукав Боско.

– Черт побери, ты что, тоже попал в аварию?

Фрэнк Менифе, адвокат, специализирующийся по вопросам трудового права, являлся вместе с тем руководителем крупнейшего инвестиционного фонда из числа тех, что принадлежали правящему в Лос-Анджелесе семейству мафии. Ему был присущ ирландский дар убеждения, хотя его немногословие оставалось воистину легендарным. Рассказывали, например, о переговорах, в ходе которых он произнес лишь "доброе утро", открывая их, и "добрый вечер", закрывая их три недели спустя, однако завершились эти переговоры подписанием всех заранее предложенных им условий и даже кое-каких дополнительных.

Прежде чем усесться, он отодвинул большое кожаное

кресло и от камина, и от верхнего источника света. Теперь они с Кейпом оказались в равных условиях: лица обоих были в тени. На лице у Менифе, похожем на рисовый пудинг, застыло выражение кроткого ожидания. Рисовый пудинг, осыпанный крошечными веснушками. Под определенным углом освещения веснушки поблескивали и казались каплями воска. Брови у него были тонкими – вот они-то и поблескивали сами по себе. Если бы кто-нибудь сказал вам, будто Менифе изготовлен из пластилина, вам пришлось бы хорошенько подумать, прежде чем назвать этого человека лжецом.

– Ну, Уолтер, – сказал Менифе.

– Ну, Фрэнк, – чуть улыбнувшись, возразил Кейп. – Поговорили со своими клиентами?

– Поговорил.

– И что они?

– Обратили внимание на то, что они и без того уже участвуют в деле.

– Проституция? Старомодная порнография?

– Ну, предположим. А что, Уолтер, имеется что-то еще?

– Дело не в том, что ты делаешь, Фрэнк, а в том, как ты это делаешь.

Произнося это, Кейп голосом передразнил одного из киношных комиков.

– А что такое уж принципиально новое собираетесь привнести вы?

– Более высококачественную порнографию, по-настояще-

му классные сюжеты, участие профессиональных актеров и актрис, совершенно новый подход к делу.

– Что ж, Уолтер, я ведь во всем этом нисколько не разбираюсь, верно? Искусством занимаетесь вы, а финансами я, но и только-то.

– Вы обратили внимание, Фрэнк, на то, как все эти кино– и телезвезды раздеваются догола, позируя для «Плейбоя» или "Пентхауза"?

– Я живу по католическим правилам, Уолтер. У меня дочери подросткового возраста.

– Но журналы-то эти вы пролистывали, верно? В парикмахерской или еще где-нибудь?

– Разок-другой. Да. Возможно.

– Мисс Америка фотографируется без трусиков – и этот выпуск журнала расходится за четыре миллиона долларов. Это ни о чем не говорит вам, Фрэнк?

– Америка любит высший сорт.

– Можно посмотреть на это и так. Но в наших фильмах будут сниматься самые настоящие красавицы. А не какие-нибудь уличные потаскушки.

– А вы сумеете с этим справиться, Уолтер?

– Я заставлю их заключить контракт, прежде чем они сообразят, в чем дело. И прежде чем они сумели стать подлинными знаменитостями.

– Ну, а потом-то вы из них знаменитости создать сумеете?

– Я над этим работаю. У меня есть друзья. Ни один вы-

годный шанс не проплывет мимо меня.

– Да, Уолтер, вы своего не упустите. Ни малейших сомнений на этот счет. Но моим клиентам все еще непонятно, чего ради они должны запускать вас в этот курятник, раз уж разговор о том зашел.

– Потому что я поставлю дело лучше, чем удается вести его без меня. Без малейшего труда они сумеют заработать кучу денег. У меня есть сотни идей относительно того, как извлечь выгоду из кажущихся совершенно бесприбыльными вещей.

Менифе посмотрел в камин.

– Вы пришли к какому-нибудь выводу, Фрэнк?

– Как вам известно, Уолтер, извечная борьба между "корсиканскими усиками" и «младотурками» вспыхнула с новой силой. Конфликт возник из-за снабжения школьников сильнодействующими наркотиками в рамках уличной торговли. Не хотелось бы проявлять чрезмерную мнительность…

– Вот и не проявляйте ее, Фрэнк!

– … но, как мне представляется, следующий этап борьбы будет связан с определенными аспектами торговли живым товаром.

– Что еще за аспекты?

– Детская порнография, Уолтер. Высококачественные фильмы. Новый подход к делу, как вы это формулируете. А я ведь не ошибаюсь, Уолтер, говоря о новых перспективных направлениях, вы имеете в виду именно это?

– Наряду с прочим.

– Кое-кому из старших, а это ведь все люди семейные, такое не понравится.

– Скажите им, Фрэнк, они могут спокойно умыть руки. Подобно собственным отцам в связи с наркотиками. Постановка дела нуждается в строгой организации. Слишком много вольных стрелков наживаются за чужой счет.

– Это само собой. И какие у вас мысли по этому поводу?

– Им надо предложить присоединиться к моей организации.

– А если они откажутся? Понадобятся ли вам принудительные меры, которые смогу обеспечить я?

– Такого сорта внимание мне привлекать к этому бизнесу не хотелось бы. Есть кое-что получше. Вы обратили внимание на высокую даму в серебристом костюме?

– Обратил, Уолтер. Это Джанет Хайер, помощница прокурора штата, не правда ли?

– Именно так. И мы с ней поговорили о том, не стоит ли привлечь определенных производителей порнографии к суду. Вызвать на Большое жюри.

– Такие попытки уже предпринимались. С тех пор, как Верховный суд отверг федеральный запрет на порнографию и предоставил экспертное заключение по данному вопросу на усмотрение местных общин, дело полностью зашло в тупик.

– Не совсем так. Заговор с целью вовлечения третьего

лица в занятия проституцией остается уголовным преступлением. Мы собираемся привлечь этих производителей за сводничество, а исполнителей и исполнительниц – за профессиональные занятия проституцией.

– Что ж, это может сработать. – Адвокат посмотрел на письменный стол. – Потрясающая вещь, Уолтер.

– Рад, что он вам нравится.

– В таком столе наверняка найдется место для тысячи документов.

– Хотите осмотреть его?

Они поднялись со своих мест и подошли к огромному письменному столу. Кейп открыл его, принялся поочередно выдвигать ящики. Потом выдвинул один из потайных ящиков. Менифе достал из внутреннего кармана пиджака бумажник, извлек оттуда чек и положил его в тайник. В случае, если его когда-нибудь вызовут на допрос, он всегда сможет сказать, что ни при каких обстоятельствах не передавал Кейпу никаких денег.

Менифе поднял взгляд и уставился на одну из здешних бабочек – темно-синюю с зелеными крылышками.

– Бабочки, – сказал он.

– Я коллекционирую их долгие годы, – заметил Кейп.

– Выпей-ка еще кофейку, – перегнувшись через стол, сказал Свистун Тиллмэну. – Давай-давай.

– Больше не хочется. Я же сказал тебе: я не пьян. И не нанюхался. И мочевой пузырь у меня полный.

– О Господи! Так какого черта ты терпишь. Ступай в гальюн.

Тиллмэн выбрался из ниши у окна. Ляжки девицы, лежащие на коленях у Свистуна, дернулись, словно она тоже куда-то собралась пойти.

Свистун заметил, что Тиллмэн смотрит на него без излишнего одобрения.

– Послушайте, мистер Тиллмэн. Подите поссыте. Только не вздумайте смываться отсюда. Там, на улице, ваша машина, и ее никуда не спрячешь. Поймите: если вы вздумаете скрыться с места аварии, это не принесет вам ничего, кроме дополнительных неприятностей.

Тиллмэн постучал пальцами по лбу, давая понять, что он еще малость не в себе. Потом переспросил:

– Скрыться? Чего ради я буду скрываться?

– С места происшествия. Пойдите поссыте, мистер Тиллмэн, и живо назад. Полиция будет здесь с минуты на минуту. И с нею придется потолковать.

Свистун посмотрел на девицу. Она улыбнулась ему доверчиво, как старшему брату. Она сидела спиной к витрине и ко всему бардаку, который начинался на улице прямо за витриной.

– Я не знаю, как тебя зовут, – сказал Свистун.

– Да, понимаешь…

– Ты тоже актриса, верно?

– Хотелось бы стать.

– Назовите любое имя.

– Шила Эндс.

– Ни хрена себе.

– Это от Анд. Есть такие горы в Перу.

– Нормально себя чувствуешь?

– Да нет, просто чудовищно. А те двое, на улице… Они ведь мертвы, правда?

Свистун чуть было не сказал, что одна из жертв аварии мертвее другой, но тут же закашлялся, гася эту фразу.

– Ну, ты ведь сама видела.

– Не совсем. Я хочу сказать: я смотрела в стекло, а потом потеряла сознание. Я и правда потеряла сознание?

– Правда.

– Что ж, мне, можно сказать, повезло. Не люблю смотреть на жмуриков. Особенно…

Ее изящный язычок стрельнул, как у кошки, и Свистуну показалось, будто она сейчас заплачет или ее вырвет. Но она преодолела минутную слабость.

– Кровищи-то, – сказала она.

– Что да, то да. Свистун посмотрел в окно.

Кровищи действительно было полно. Но вся она натекла из тела водителя, а вовсе не из обезглавленного женского трупа. Водитель валялся на мостовой лицом в луже. Промокшие под дождем рубашка и легкие брюки прилипли к телу. Волосы разметались по луже подобно водорослям. На улицу меж тем выбрался Боско. Он подошел к обезглавлен-

ному трупу и прикрыл его наготу одеялом, которое нашел в багажнике колымаги. Теперь наружу торчали только ступни и щиколотки – тонкие, изящные, словно выточенные из слоновой кости.

– Значит, я что-то видела, но не сумела запомнить. А вот запоминать и не следовало, – сказала девица таким тоном, словно отказывалась от чашки кофе.

– А никто тебя и не заставляет. Свистун прикоснулся к ее руке.

Тиллмэн вернулся из туалета. Свистун поднялся с места и подстерег его посередине бара.

– Что ты имел в виду, говоря о неприятностях? – мрачно спросил Тиллмэн.

Свистун, стараясь говорить потише, ответил:

– И вам известно, и мне известно, что вы были на момент аварии порядочно пьяны. И запустили руку Шиле под юбку и там вовсю шуровали. Ведя машину в дождь. Если ее допросят как следует, вас посадят.

– Она ничего не скажет.

– Вы так думаете? Поглядите на нее как следует. Она до смерти напугана. И ответит на все вопросы, которые ей зададут. А на вас ей будет плевать. Она ваша подружка?

– Так, на разовый перепих.

"О Господи, – подумал Свистун, – он и выражается как телеперсонаж, роль которого исполняет".

– Я бы на вашем месте сбавил тон, когда прибудет поли-

ция. В жизни так не говорят. А если и говорят, то полиции это очень не нравится.

– Да что там! Да я их почти всех знаю! У меня даже есть сувенирный жетон.

– Только не больно-то полагайтесь на это знакомство. Пятерка против двадцатки, им захочется повесить это на вас. Пятерка против полусотни, им захочется упрятать вас за решетку. Да и кто вы для них такой? Зарабатываете по два миллиона в год, играя полицейского в телесериале. А они зарабатывают по двадцать тысяч, роясь в крови и в дерьме на здешних улицах. Поверьте моему слову. Если у них будет шанс сцапать вас, они вас сцапают.

– Вздор все это. – Тиллмэн сурово стиснул челюсти.

– Что ж, как угодно. Напишите мне из тюрьмы. Стиснутая челюсть превратилась в студень.

– Так что же мне делать?

– Хотите совет?

Тиллмэн кивнул.

– Вы позволите мне представлять ваши интересы?

– Но вы же не агент, не так ли?

– Нет, не агент. Да и не адвокат тоже.

– Тогда кто же вы? – Частный сыщик.

– Ищейка?

– После того как похоронили Хамфри Богарта, это выражение вышло из моды.

– Ну, и что вы можете для меня сделать? Явно поумнев,

Тиллмэн искательно потер большим пальцем об указательный.

– Нет, взятку я им всучить не смогу, – оказал Свистун. – Я могу посоветовать вам усесться на место и дождаться прибытия полицейских. Ответить на все вопросы, которые им вздумается задать. Отказаться от анализа на алкоголь до прибытия вашего адвоката. У вас ведь есть адвокат?

– Да все у меня есть. Адвокаты, агенты, менеджеры…

– Если вам предложат пройтись по прямой, отказывайтесь. Если предложат подуть в баллон, отказывайтесь. Но без излишней категоричности, как будто вы готовы пойти на сотрудничество. Держитесь такой линии: вы испуганы, у вас шок, и вы не собираетесь делать ничего, если этого предварительно не одобрят ваши адвокаты. Поймите меня правильно. Не держитесь почетным полицейским, которым вы являетесь из-за того, что играете роль полицейского по ящику. Не фамильярничайте к детективами и офицерами, даже если среди них и впрямь окажутся ваши знакомые. Не говорите репликами из сценария.

На улице заверещала полицейская сирена. Боско жестом подозвал полицию к "Милорду".

Тиллмэн, резко повернувшись, посмотрел в окно.

– У нас еще есть время, – сказал Свистун. – Во влажном воздухе звук разносится далеко.

– Позвоню-ка я лучше, – сказал Тиллмэн.

– Успеете позвонить после первого раунда переговоров с

полицией. Выпейте-ка еще кофейку. И еще раз поссыте. Одним словом, спешить вам некуда. Да и адвокаты ваши, если они у вас башковитые, постараются приехать сюда как можно позже. То, что вам нужно, – это оттянуть срок анализа крови до тех пор, пока результаты анализа не станут спорными или, по меньшей мере, подлежащими сомнению.

– И сколько я вам должен за этот совет? – поинтересовался Тиллмэн.

– Совет бесплатный. Заплатить вам придется за то, что я позабочусь о том, чтобы мисс Эндс вернулась домой целой и невредимой. И за то, что мне, возможно, предстоит сделать для вас впоследствии.

– Понял.

Свистун с протянутой рукой подошел к Шиле.

– В чем дело?

Ее губы предательски дрогнули.

– Собираюсь отвезти тебя домой.

– А это будет правильно? – Она посмотрела на Тиллмэна, потом выскользнула из ниши у окна. – Ты уверен, что это будет правильно?

– Объясню тебе по дороге, – сказал Свистун. Он подошел к Боско, а Тиллмэн в те же минуты направился к Шиле.

– Все понял? Боско кивнул.

– А что барышня?

Свистун поглядел на Тиллмэна. Тот держал Шилу за руки, делал вид, будто он ей отец родной и защитник и ему

страшно не хочется с ней расставаться, – одним словом, играл очередную роль.

Шила снизу вверх глядела на актера сияющими глазами. На губах у нее играла улыбка.

Свистун обратил внимание на то, что Шила в глубине души подтрунивает над актером. Обратил он внимание и на другое: она прекрасно поняла, что ей сдали довольно хитрую карту.

– Пожарю-ка я для него картошки, – сказал Боско.

– Что?

Свистуну показалось, будто он ослышался.

– Хорошо нейтрализует анализатор дыхания.

– Откуда ты это знаешь?

– Узнал, когда был в Англии.

– И что, срабатывает?

– Откуда мне знать? Но когда человек верит, что это сработало, он куда лучше держится на допросе.

Свистун вывел Шилу через кухню на маленькую стоянку на заднем дворе, на которой он держал свой "шевроле".

Глава четвертая

Монсиньор Теренс Алоисий Мойнихен, советник его преосвященства кардинала Юстаса, председатель совета директоров экспериментально-инвестиционной компании, распорядитель и казначей богатейшей епархии, сопоставимой в этом отношении только с нью-йоркской и чикагской, был, как положено ему по сану, облачен во все алое.

Черноволосый, белокожий, краснощекий и синеглазый, монсиньор был величайшим лицемером, появившимся на земле с тех пор, как Понтий Пилат умыл руки и передал вопрос о выборе между Христом и Варравой на усмотрение черни.

Порой говорят, что большинство полицейских, не имей они разрешения пускать в ход оружие на законных основаниях, оказались бы по другую сторону баррикады с тем, чтобы пускать его в ход незаконно. О Мойнихене же говорили, что не выбери он карьеру священника, то непременно стал бы ростовщиком, голливудским агентом или же сутенером.

Доллар католического окраса, попав в карман к Мойнихену, редко покидал его. Мойнихен придерживался на сей счет старых правил. Похотливый по природе, он сублимировал это чувство, стремясь к богатству и могуществу. Иногда даже кардиналу Юстасу начинало казаться, что его советник чересчур часто бывает на всевозможных приемах и задержи-

вается там слишком уж допоздна.

На сегодняшнем приеме молодой монсиньор чуть ли не весь вечер в задумчивости простоял у камина, позволяя вихрям веселья обтекать себя со всех сторон. Его изящные руки весь вечер сжимали старинный бокал с двойной порцией виски так, словно это и впрямь была священная реликвия. На протяжении долгих часов монсиньор принимал поздравления по поводу своего последнего назначения – членом наблюдательного совета округа (общественной организации, занимающейся генеральными планами архитектурного развития), и череда этих поздравлений еще не иссякла.

Скоро ему предстоит стать посредником между заказчиками и исполнителями работ. Находить в проектах специально заложенные или случайно обнаруженные лакомые кусочки, срезать и наращивать ассигнования, раскапывать коечто скверно пахнущее, состригая с чужих грехов золотое руно на нужды епархии, типа приходских школ, строительство которых не влечет за собой увеличения сметных расходов. Да и людям стоило иметь дело с монсиньором Мойнихеном – это сулило выгоду, а в здешней толпе популярность того или иного человека строго пропорционально зависела от барышей, которые сулило знакомство с ним.

Фрэнк Менифе подошел к монсиньору, дождавшись, когда тот окажется в полном одиночестве. Смокинг сидел на Менифе так, словно был изготовлен из грифельной доски. О галстуке могло создаться впечатление, будто он пришпилен

булавкой прямо к шее. Стоило адвокату повернуть голову, как вместе с нею поворачивался и галстук. Мойнихен нашел это зрелище столь завораживающим, что буквально не сводил с галстука глаз.

– Мои поздравления, монсиньор, – сказал Менифе с натужной улыбкой.

– Спасибо, Фрэнк.

– А это правда?

– Что именно?

– Что вас сделают в наблюдательном совете главой?

– Есть такое мнение.

– Я бы на вашем месте воздержался.

– Почему же?

– Потому что это не сулит вам выгоды.

– Я не ищу выгоды лично для себя, Фрэнк. И вам это прекрасно известно.

– Что ж, монсиньор, если вы сами такого мнения. Но ведь и выгода бывает разной. Вы уже заседаете в достаточном количестве советов и комитетов, чтобы наложить лапу на каждый доллар, который вам приглянется. Только не следует чересчур усердствовать в плане общественного внимания. Если ваша деятельность привлечет к себе интерес, это не принесет пользы ни вам, ни кардиналу, ни епархии, ни католической церкви как таковой.

– Не сомневаюсь, Фрэнк, что его преосвященство учтет ваши замечания и предостережения.

Мойнихен извлек из складок сутаны маленькие, размером с полдоллара, золотые часы и сверился с ними.

– Слишком уж я здесь замешкался. Надо поискать хозяина, чтобы проститься с ним.

– Мы только что беседовали у него в кабинете.

– Вот как? У вас с ним дела, Фрэнк? Ваши люди примут участие в новом проекте Уолтера? – с интересом спросил Мойнихен. – А сначала мне показалось, будто вся эта затея не больно-то вас вдохновляет.

– Я ведь вроде вас, монсиньор. Хозяев у меня много.

– И, тем не менее, Фрэнк, вы добрый католик. И никогда не забываете об этом.

– Кесарю кесарево…

– Это выражение всегда к месту.

– Я передал предложение по инстанции. Оно понравилось. Они усматривают за домашними развлечениями большое будущее. А вы?

– Святая Церковь имеет об этих развлечениях лишь самое смутное представление.

– Ну, а он, по-вашему, сколько этого добра пересмотрел? – с кривой усмешкой поинтересовался Менифе.

– Не уверен, что хотя бы одну кассету. Совершенно необязательно совать руку в пламя, чтобы убедиться в том, что оно обжигает.

– Но чтобы понять, вкусно ли яблоко, его следует надкусить.

– Не поддразнивайте меня, Фрэнк. Жестоко поддразнивать человека, взявшего на себя обет безбрачия.

– Если вы когда-нибудь решите нарушить этот обет, я подыщу для вас курочку что надо.

– Если когда-нибудь решу, то вы, Фрэнк, узнаете об этом первым.

– А что говорит по этому поводу Святая Церковь? – просил Менифе.

– Я не в силах дословно вспомнить последнюю энциклику против порнографии, но можете не сомневаться, она достаточно категорична.

– Выходит, в собственных силах папа уверен?

– Он непогрешим.

– И грозит отлучением?

– О ком вы спрашиваете, Фрэнк? Об изготовителях или о потребителях?

– И о тех, и о других.

– Не лучше ли было бы как следует присмотреться к душам преуспевающих капиталистов?

– Я не знал, монсиньор, что на деньгах как на таковых лежит печать греха. Насколько мне известно, ваши иезуиты рассматривают вопрос о нейтральности денег.

– Я часто размышляю над этим, Фрэнк.

– Я хочу сказать, мне почему-то вспомнились жилые дома, принадлежащие церкви. Дома в Санта-Монике и в Западном округе. Мне почему-то подумалось, будто вам ниче-

го не известно о том, что в одном из этих домов расположена небольшая мастерская по производству ошейников, плеток и прочих предметов для издевательства над животными. А еще один жилец выпускает журнал "Откуда взять мальчиков" – краткий путеводитель для педофила. И, насколько мне известно, в том же самом доме, на третьем этаже, практикуют три профессиональные проститутки.

– Да, Фрэнк, мне ничего не известно об этом, – равнодушно сказал Мойнихен. – Но я проверю.

– И поднимете им квартплату?

– Полагаю, если ваши сведения подтвердятся, мы расторгнем с ними контракт.

– И у вас будут простаивать жилые помещения.

– Эту сторону дела необходимо принять во внимание.

– И вам не захочется, чтобы они пустовали слишком долго.

– Да, не захочется. А теперь мне, пожалуй, и впрямь пора попрощаться с Уолтером и поблагодарить его за радушный прием.

"И подписать с ним контракт, лицемерный ты сукин сын", – подумал Менифе.

Шила устало откинулась на спинку изношенного сиденья в старом «шевроле» Уистлера.

Свистун глядел прямо перед собой, держа обе руки на баранке. Вел себя как шофер. Играл по всем правилам.

Время от времени она посматривала в его сторону, и Сви-

стун это чувствовал. Конечно, именно так она пялится на каждого мужика. Прикидывает, много ли весят его яйца. Оценивает способности и умения.

– Мне хотелось бы отблагодарить вас, – сказала она.

– Ну, и за что, по-твоему, тебе надо отблагодарить меня?

– За то, что вы увезли меня с места преступления.

– Не преступления, а несчастного случая. Аварии.

– Мертвое тело было обезглавлено, – сказала Шила. – Мне показалось, что меня сейчас вырвет.

– Значит, ты это заметила?

– Я почти все заметила, Свистун. А такую хреновину было бы трудно не заметить.

– Ты что, приняла какую-нибудь таблетку, пока я на тебя не смотрел?

– А в чем дело?

– Никогда не видел, чтобы люди приходили в себя так быстро. Если и перед камерой будешь держаться таким же молодцом, как на улице и у «Милорда», то с годами наберешь целую коллекцию "Оскаров".

– Спасибо.

– Но если бы ты сейчас не уехала, твоя фотография попала бы в газеты.

– Это мне не помешало бы, – согласилась Шила. – Но я за этот рычаг ухвачусь покрепче.

– Что еще за рычаг?

– Я только что оказала Тиллмэну большую услугу. Тем,

что смылась с места преступления. Он пообещал не убирать с меня свою руку. Он-то имеет в виду не убирать ее из-под юбки. А я намереваюсь поучаствовать в его сериале. Для любой девицы путь наверх очень долог, да еще столько всяких грязных закоулков по дороге. А теперь он у меня в долгу. Полиции не понравилось бы, скажи я, что он лез мне рукой в самое пекло вместо того, чтобы следить за дорогой.

– Изящно ты это сформулировала.

– Вы, мужики, сперва требуете, чтобы мы говорили всякие гадости, а потом еще губу поджимаете.

Свистун промолчал.

– Ты что, решил, что я уж больно крутая?

– Главное, чтобы тебе самой нравилось.

– Поверни здесь, первый многоквартирный дом за углом, – сказала Шила.

Свистун развернулся и припарковался. Стоило «дворникам» замереть, как дождь сделал все вокруг, включая громаду дома, невидимым.

– Я не крутая, – сказала Шила. – Честно тебе говорю, Свистун. Я сахарная. Но, Господи, если вздумаешь вести себя как пай-девочка, тебе не поздоровится.

– Тебе не нужно передо мной оправдываться.

– А почему бы и не перед тобой? Ты смахиваешь на доблестного рыцаря в ослепительных доспехах сильнее любого, с кем я встречалась с тех пор, как отправилась на поиски счастья в Лос-Анджелес из родного Канзаса.

Свистун, пожав плечами, улыбнулся.

– Так что, Свистун, может, и тебе стоит ко мне как следует присмотреться. Может, такая принцесса стоит того, чтобы за нее сразились. И твой подвиг не пропал зря.

– Я не бойскаут.

– Но вознаграждение тебе все равно причитается.

Они тихо, как двое противников перед схваткой, переглянулись.

Она придвинулась поближе, губки ее разжались, розовый кончик языка зазмеился. Но он оттолкнул ее.

– Думаю, надо объяснить тебе, что я руководствовался вовсе не столь уж благими побуждениями. У меня в этой истории наметился свой интерес.

– Ясное дело. Я поняла. И это честно. Если не стащишь чего-нибудь у жирных котов, то откуда же тогда придется таскать? – Она открыла дверцу и выпростала под дождь длинную ногу. Держа ее на весу и на виду, сказала: – Мой номер в справочнике, Свистун. Любое приглашение будет принято.

Уистлер кивнул. Она, перегнувшись, поцеловала его в рот, ее губы все еще чуть подрагивали после перенесенного шока. На этот раз он не оттолкнул ее. А ее нога оставалась на весу под дождем.

Глава пятая

Ральф Паркер носил бархатные брюки с черными шелковыми лампасами и изумрудно-зеленый клубный пиджак. К запястью у него был прикреплен сигнал типа пейджерного. Люди часто принимали его по ошибке за врача. Батарейка от «пейджера» была у него в кармане. Внезапный сигнал помогал ему прервать неинтересный разговор или смыться из компании, дальнейшее пребывание в которой оказалось бы пустой тратой времени.

К вечеринкам у Кейпа это, как правило, не относилось, но Паркер все равно держал на запястье «пейджер» – это стало для него привычкой.

Публика уже почти разошлась, последние гости потянулись к выходу с круглыми от усталости и злоупотребления спиртным глазами. Немногие оставшиеся передвигались с места на место словно в легком столбняке, напоминая транзитных пассажиров на железнодорожном вокзале очень ранним утром или же очень поздней ночью. Паркер заставил гудок сработать, словно решив напомнить самому себе, что уже пора.

Генри Уорсоу тут же съязвил:

– Почему, если тебе понадобилось утешение, просто-напросто не пососать себе палец?

За Уорсоу была нефть. Он входил в число пятидесяти са-

мых могущественных людей Лос-Анджелеса, входил в тот тонкий слой обитателей Хуливуда, участники которого были главными героями светской хроники. За восьмерыми из этих пятидесяти была нефть. Не считая самого Уорсоу – а не считать его имелись определенные основания. О нем и его занятиях нефтью и газом можно было говорить – но лишь в том смысле, в каком стоило бы порассуждать об участии пиратов в океанской торговле Ее Величества. Уорсоу был налетчиком. Чужие нефтяные компании он пожирал на завтрак, хотя никаких сведений об этом в средства массовой информации не проникало.

Всем, кроме тех, кто пал его жертвой, он нравился простотой манер и откровенностью суждений.

Он увлекался девяти-десятилетними мальчиками, часть из которых поставлял ему Уолтер Кейп, когда очередной миньон надоедал ему самому.

Он гордился тем, что умеет разбираться в людях. Однако он категорически ошибался насчет Ральфа Паркера, и происходило это потому, что ему и в голову бы не пришло заинтересоваться этим человеком как следует. А так, Паркер утверждал, будто время от времени заключает какие-то сделки, и время от времени называл себя банкиром, занимающимся инвестициями.

Уорсоу не было надобности церемониться с человеком, которого он подозревал в сомнительных аферах, однако никогда не знаешь, не сможет ли тебе оказать при случае услу-

гу самый последний говнюк… Поэтому он добродушно похлопал Паркера по спине, как будто они были закадычными дружками, да вдобавок – завзятыми демократами.

Но Паркер и впрямь был банкиром, занимающимся инвестициями. Не того сорта, что заправляют делами в небоскребах из стекла и мрамора на бульваре Уилшир в Лос-Анджелесе, в Нью-Йорке, Париже или Риме. Но банкиром, собирающим скромные вклады адвокатов и зубных врачей, складывающим их в бронированный кейс и работающим при помощи сотового телефона, записной книжки с незарегистрированными номерами и «магнума» 357 калибра.

Когда Ширли Квон решила составить этим двоим мужчинам компанию, Уорсоу обнял ее за талию, в ответ на что она не моргнула и глазом. Главным богатством Ширли были рестораны и недвижимость. Заложенные и перезаложенные участки земли в стратегически важных местах – там, где предстояло выстроить магистрали или разбить увеселительные парки. Здания, готовые в любую минуту рухнуть от крика бесчисленных незаконных иммигрантов со всех континентов. Рестораны, откуда не вылезали инспектора санитарной службы до тех пор, как ловкая дама не начинала с ними ладить.

Как правило, ей не нравилось, когда ее лапали белые. Это было общеизвестным фактом.

Однако мало кто знал, что ловкая дама была на самом деле мужчиной в одеянии восточной красавицы. Мало кто знал об

этом, потому что люди, которым доводилось узнать и которые пытались извлечь из своего знания какую-нибудь выгоду, просто-напросто исчезали. И Квон интересовался мальчиками лет десяти-одиннадцати. Вот почему он позволил Уорсоу такую вольность. Уорсоу передавал миньонов, получаемых им у Кейпа, Квону. А Квон передавал их кому-то еще. Каждый из педофилов любил мальчиков как раз такого возраста, в котором находился сам, когда его лишили невинности. И теперь они увлекались чужой утраченной невинностью и пускали ее по кругу, торопясь пожить, пока время не заставит их проститься и с этой радостью.

Паркер был негодяем и уголовником, не раз ему доводилось и убивать людей, но во многих отношениях мог послужить для остальных образчиком морали.

Увидев, что в комнату вернулся монсиньор Мойнихен, Паркер решил, что Кейп сейчас, должно быть, остался один. Пробормотав какие-то извинения, он пошел по коридору, очутился перед панельной дверью и постучался в нее. Кейп предложил ему войти.

В огромном кресле красной кожи Кейп выглядел совсем маленьким. Маленьким, усталым и грустным.

– Привет, Ральф.

В голосе у него не было ни радости, ни приязни.

– Вид у тебя усталый, Уолтер.

– А я и впрямь устал. Как вечеринка?

– Заканчивается.

Кейп вроде бы решил встать, но в последний момент раздумал.

– Надо бы выйти попрощаться со всеми.

Паркер вопросительно приподнял брови. Дождавшись от Кейпа кивка, он уселся в кресло, где за этот вечер побывало уже столько задниц.

– Не беспокойся, Уолтер. Они и не заметят.

– На вечеринках помереть можно от скуки, – сказал Кейп. – Но польза от них большая.

– Ну как, уже организовал свой консорциум? Кейп, улыбнувшись, сделал неопределенный жест.

– Остаются вопросы подбора исполнителей. Да и кадровый вопрос в более широком смысле.

– Ну, уж блядей-то кругом полно!

– Что за выражения, Ральф, – кротко сказал Кейп.

– Прошу прощения.

Зазвонил телефон. Кейп уставился на Паркера, не снимая трубку, и буквально заставил того удалиться из помещения.

Тиллмэн, можно сказать, наполовину протрезвел. Пока снаружи ревела полицейская сирена, он, отгибая пальцы, прикидывал остающиеся у него возможности. Можно было позвонить агенту и велеть ей обо всем позаботиться, но это означало остаться у нее на крючке до конца своих дней. Можно было позвонить адвокатам и попросить их прийти на выручку, но он не был уверен в том, что с адвокатом удастся сговориться о фиксированной сумме гонорара. Как из-

вестно, фиксированный гонорар они сходны рассматривать как всего лишь первоначальный, а потом начинаются всевозможные осложнения, требующие участия новых адвокатов, которым, соответственно, положен новый гонорар, – и так далее. Начав со штрафа за неправильную парковку в десять долларов, адвокат способен довести человека до виселицы. Тиллмэн мог бы позвонить продюсеру сериала, но Мэнни Острава при каждом удобном случае с удовольствием твердил, что старое времечко, слава Богу, миновало – а вместе с ним и необходимость выцарапывать актеров из каталажки и организовывать нелегальные аборты старлеткам. Кроме того, Тиллмэн не ходил у Остравы в любимчиках, и тот смог бы припомнить эту историю, когда придет пора продлевать контракт на съемки.

Однорукий говнюк за стойкой смотрел на него не без сочувствия, но проку от него не было и быть не могло. На его месте – то есть на месте Тиллмэна – мог бы сейчас оказаться кто угодно, для кабатчика все это не имело значения.

Конечно, имелся у Тиллмэна знакомый, влиятельный настолько, чтобы помочь ему выпутаться из передряги, и достаточно богатый, чтобы ничего не попросить взамен.

Тиллмэн полез за мелочью и не нашел ее.

Достал из серебряной монетницы стодолларовую купюру.

– Разменяете? Мне надо позвонить.

Боско с улыбкой посмотрел на сотенную, однако не притронулся к ней. Полез в кассу и извлек несколько четверта-

ков. Высыпал на стойку с полдюжины.

– Это вам взаймы.

Тиллмэн одарил его улыбкой ценою в пять баксов и принялся набирать номер своего друга Уолтера Кейпа.

Время было, конечно, неподходящее, но чутье подсказывало ему, что Кейп из тех людей, которые вообще не спят. Или же спят в те часы, когда весь остальной мир бодрствует.

О сегодняшней вечеринке Тиллмэн ничего не знал. На вечеринки к Кейпу его никогда не приглашали. Дружба с Кейпом начиналась на более высокой ступени общественной лестницы. И на каждой ступени приходилось томиться подолгу, дожидаясь, пока тебе не позволят сделать новый шаг. И как раз на данной стадии Тиллмэн полагал, что ночной звонок с просьбой о дружеской услуге окажется вполне уместным.

Кейп строил из себя рубаху-парня, которому никогда не жаль времени и сил на то, чтобы вызволить подгулявшего коллегу из полицейского участка или пристроить какого-нибудь дальнего знакомца в лучшую ложу на главных скачках сезона. Он вел себя как человек, преисполненный отеческой заботы, всегда готовый дать добрый совет или протянуть руку помощи. Известно было, что он принимает личное участие в подготовке ко дню рождения какого-нибудь малыша или проводит полдня, высаживая цветочную рассаду, чтобы помочь старушке из Санта-Моники, с которой он только что познакомился на скамейке у моря. Его жизнь была прони-

зана подобными внешне незначительными благодеяниями. Его карманы вечно были набиты – и забираться туда он позволял чуть ли не каждому. Во всяком случае, именно так о нем говорили.

Чего Тиллмэн не знал, так это того, что Кейп рано или поздно предъявляет облагодетельствованным счет, подобно тому как великие державы никогда не забывают ни об одной залезшей в долги стране, а крестные отцы мафии просят ответить услугой за оказанную ими ранее услугу.

Вопреки ненастью, ночные зеваки начали наконец собираться в окрестностях «Милорда»; дождь, хлещущий в витрину и рассеивающий свет фонаря, искажал их фигуры до неузнаваемости. Из патрульной машины вылезли двое полицейских, они подняли капюшоны плащей и взяли на изготовку дубинки.

Под таким дождем они не собирались особенно церемониться. Один из них, темнокожий, был в кожаной авиакуртке с меховым воротником, а белокожий – в ветровке, ворот которой застегивался на подбородке.

Белый полицейский предпринял вялую попытку отогнать зевак. Они послушно затрусили прочь, как овцы из стада, облаянные пастушьей овчаркой. Чернокожий присел на корточки рядом с мертвым водителем.

Тиллмэн набрал незарегистрированный номер Кейпа. Сам факт, что ему был известен этот номер, свидетельствовал об особом положении актера. После нескольких гудков

трубку взяли.

– Чем я могу помочь вам, – вместо «алло» произнес Кейп, даже не дав Тиллмэну шанса назвать свое имя.

– Это я, Эммет, – сказал Тиллмэн. – Прости, что беспокою тебя в такой час.

– О чем разговор, – возразил Кейп с такой кротостью, что голос самого Тиллмэна задрожал от несбыточного желания встретиться с родным отцом, которого актер никогда не знал. – У меня все равно проблемы со сном, – развивая инициативу, добавил Кейп.

– Что ж, слава Богу… То есть, я хочу сказать… Послушайте, Уолтер, если у вас бессонница, то вы всегда можете позвонить мне, неважно, в какое время. В любое время, если вам этого захочется…

– Спасибо, Эммет. Но где вы сейчас?

– В кофейне «Милорд» на углу Голливудского бульвара и Виноградной.

– Вы можете разговаривать спокойно? У вас какие-нибудь неприятности?

Тиллмэн заговорил малость погромче.

– Да уж… попал в дурацкую аварию прямо посреди города.

– В какой мере дурацкую?

– Я ехал с женщиной, знаете, и малость баловался с ней, ведя машину.

– Мерили ей пальцем температуру, понятно, – все тем же

ласково-деловитым тоном уточнил Кейп.

Тиллмэн рассмеялся.

– Черт побери, Уолтер! От ваших шуточек мне сразу стало малость полегче.

– Так, может, мне еще и перейти на слэнг?

– От разговоров с вами мне всегда становится лучше, о чем бы ни шла речь. Я хочу сказать, вы умеете сфокусироваться на главном. Не ходите вокруг да около. Ухватываете самую суть. Минуту назад здесь появилась полиция.

– Ну и что? Никакой паники. И ни малейшей спешки.

– Шел дождь, и я не заметил, как эта колымага тащилась по Голливудскому бульвару на приличной, впрочем, скорости…

– И она в вас врезалась.

– Да нет. Это я в нее врезался.

– Вы получили телесные повреждения?

– Нет.

– Вы пьяны?

– Я выпил парочку бокалов…

– Полупьяны. Если я скажу, что вы наполовину пьяны, это будет корректно?

– Вполне.

Тиллмэн посмотрел в окно. Темнокожий полицейский оставил в покое труп водителя и присел на корточки возле обезглавленного тела под одеялом. Отдернув одеяло, он отскочил от тела с такой скоростью, что едва не повалился на-

земь на скользкой после дождя мостовой.

– А ваша спутница? – спросил Кейп. – Она ранена?

– Нет.

– Пьяна? Под наркотиком?

– Нет.

– Как ее зовут?

– Шила Эндс.

– Чем она занимается?

– Актрисулька.

– Объясните ей, чтобы вела себя любезно, однако не слишком любезно.

– Я уже отправил ее домой.

– Понятно. А Что с водителем той машины?

– Мертв.

– Плохо дело. Хотя, конечно, дождь. Скверная видимость.

Кейп, казалось, разговаривает сам с собой.

– Под дождем улицы в Лос-Анджелесе становятся скользкими, как стекло, – поддакнул Тиллмэн. – Вся грязь из недр земли просачивается на асфальт…

– Именно так. А во второй машине были пассажиры?

– М-м-да, – ответил Тиллмэн.

– Надеюсь, не ребенок. Правда же, не ребенок?

– Даже не знаю, как сказать.

– Может быть, домашнее животное?

– В машине было женское тело. Я хочу сказать, из машины прямо на дорогу вывалилось женское тело.

– Тело? Мертвое тело?

Кейп пришел в некоторое недоумение.

– Дело не только в этом. – Тиллмэн заговорил по-простецки, теряя среднеатлантический выговор, самым тщательным образом поставленный ему в театральном училище. – Головы у нее не было.

– Вы в этом уверены? Вы уверены, что не оказались настолько пьяны…

– Кто может быть уверен, столкнувшись с такой картинкой? Но я никогда не забуду этого. Женское тело с маленькими титьками и без головы…

В разговоре возникла минутная пауза, затем Кейп сказал:

– Отправляйтесь к полицейским, держитесь вежливо и выказывайте готовность к сотрудничеству.

– А не позвонить ли Бэгготу и Бэрроу?

– Не думаю, что на данной стадии необходимо вмешательство адвокатов. А может быть, они нам и вообще не понадобятся. Я сейчас кое-кому позвоню. Так не забудьте: вежливо, но без малейшей фамильярности. Вы отличный актер, Эммет, и вы популярны. Вы берете людей за живое, и публике это нравится. Но людям, облеченным властью или же полагающим, будто они облечены властью, не нравится, когда их берут за живое. Будьте с ними вежливы и предупредительны, но без какой бы то ни было фамильярности.

"Сукин сын, – подумал Тиллмэн. – Я актер, которому платят по двести тысяч долларов за эпизод, а тут все кому не

лень объясняют мне, как себя вести".

Кейп повесил трубку, не дожидаясь дальнейших слов, которые не могли быть ничем иным, кроме выражения глубочайшей благодарности.

– Должно быть, это был наш режиссер, – вслух произнес Кейп, хотя в комнате никого, кроме него самого, не было.

Долгое время он просидел, глядя в камин. Затем собрался с силами, потянулся к телефону, набрал номер, даже не задумавшись предварительно над тем, который час.

– Говорит Уолтер Кейп. Прошу прощения за ранний звонок, Билл. Дело срочное.

Заспанный (наверняка не обошлось без пилюль) голос ответил ему, что заместитель начальника контрольного управления полиции Лос-Анджелеса Вильям Буркхард к его услугам, независимо от того, который сейчас час.

– Речь о ваших служебных делах. Я, возможно, смогу оказать вам услугу.

– А в чем дело?

Буркхард сразу же проснулся.

– Мой молодой друг Эммет Тиллмэн… Вы его знаете?

– Актер из полицейского телесериала?

– Он самый. Попал в аварию на углу Голливудского бульвара и Виноградной. Думаю, прямо сейчас его допрашивают ваши люди.

– Сколько машин?

– Насколько мне известно, две.

– А кто виновник?

– Разве можно сказать это наверняка? Тиллмэн врезался во вторую машину, однако утверждает, что она шла с превышением скорости и столкновение было неизбежным.

– А что говорит второй водитель?

– Он мертв.

– Господи, Уолтер, выходит, это серьезная история.

– Иначе я бы не стал вас тревожить. Но дело еще серьезней. Во второй машине на момент аварии находился труп.

– Труп на момент аварии?

– Трудно сформулировать это точнее. Водитель второй машины перевозил в ней женский труп.

– Что ж, это дает мне повод встрять в расследование.

– Обезглавленный труп. Вы меня слышите, Уильям?

– Слышу. Ничего себе, вы меня огорошили, да еще в такой час! Обезглавленный труп.

– Понимаете теперь, почему я решился на этот звонок? Подобная история с участием телезвезды – да газетчики за это обеими руками ухватятся!

– Я понимаю вашу тревогу, Уолтер.

– Значит, вы проследите за тем, чтобы имя Тиллмэна не всплыло? Ни в полицейском рапорте, ни, упаси Боже, в газетах?

– Это я могу гарантировать. По крайней мере, до тех пор, пока и если мы ничего не узнаем о том, что Тиллмэн был знаком с водителем второй машины или его "пассажиркой".

– Мне бы хотелось, Билл, чтобы вы держали меня в курсе всего расследования.

– Можете не сомневаться.

– А что вы расскажете полицейским на месте преступления об обезглавленном трупе?

– Я на этот счет еще ничего не придумал, Уолтер, – несколько кисло сказал Буркхард.

– А я, знаете ли, успел малость пораскинуть мозгами по этому поводу. Может быть, вы объясните полицейским, что погибший водитель работал на компанию, организующую спецэффекты при киносъемке? А обезглавленный труп – это всего лишь манекен.

Кто поверит в этот идиотизм? – Кому надо, тот и поверит, – возразил Кейп. – Держите меня в куре дела. Звоните в любое время.

Глава шестая

После того как белый полицейский тоже полюбовался на диковинку, они с темнокожим принялись о чем-то шушукаться. Тиллмэн вышел из «Милорда» и застыл под дождем, ловя обрывки их беседы, долетавшие до него, как обрывки ветоши, разносимой ветром.

– … поискать бы эту зловонючую башку…

– … поискать на хрен где?..

– … чисто срезано… под самый корень…

– … может, японка…

– … с чего ты на хрен взял?

– … волосы внизу как черная проволока… странный цвет кожи…

– … убийство на этнической почве… может, и так…

Темнокожий полицейский время от времени поглядывал в сторону Тиллмэна, узнавая и не узнавая его, а когда белый отправился в машину передать сообщение по рации, наконец узнал окончательно.

– Сэр! Меня зовут офицер Оборн. А моего напарника, он сейчас в машине, офицер Шуновер. Вы стали свидетелем этого инцидента?

– Я въехал на бульвар сразу после того, как…

– Я спрашиваю, вы свидетель или участник?

– Я же говорю вам: я сидел за рулем «БМВ». И выждал у

перекрестка, чтобы убедиться, что никто не едет навстречу. Потом нажал на педаль…

– Как вас зовут, сэр?

– Эммет Тиллмэн.

– Мы с вами знакомы?

– Вы могли видеть меня по телевизору. Оборн просиял.

– Ну, конечно, сэр. Этот полицейский сериал!

– Не знаю, откуда он взялся, но гнал он как чумной, – сказал Тиллмэн. – Когда я, выезжая из-за перекрестка, нажал на педаль, его еще не было…

– Так какая из этих машин, сэр, принадлежит вам?

– Серебристый "БМВ-635".

– Ага, вижу.

Подошел белый полицейский.

– Привет, Шуновер, – сказал Оборн. – Вызвал мясников?

– Я вызвал детективов и кого-нибудь из начальства. Поганая история. Страшно поганая. – Он посмотрел на Тиллмэна. – Не знаете ли вы, сэр, куда могла запропаститься голова?

Тиллмэн начал рассказывать свою историю по новой. Возможно, повезет ему только на третий раз.

– Когда я выехал на бульвар, здесь никого не было…

– И тут вы нажали на педаль, – подсказал Оборн.

– Верно. А эта машина взялась неизвестно откуда.

– Почему неизвестно? – удивился Шуновер. – Она ехала по Голливудскому бульвару с востока на запад.

– Но вам же на хер ясно, о чем я, – возразил Тиллмэн.

– А вот такие выражения совершенно ни к чему, мистер Тиллмэн. У вас, наверное, есть слуги. А, есть у вас слуги или нет?

– Есть. У меня есть помощники.

– Вот. И на слуг своих можете орать, сколько вам заблагорассудится. А нас хоть и называют слугами общественного порядка, орать на нас лучше не стоит.

– Прошу прощения, но я просто в шоке.

– Ничего страшного, мистер Тиллмэн, – сказал Оборн, которому, судя по всему, было жаль артиста. – Мы вас не обидим. Мы с женой смотрим вас по ящику. Она говорит, что для полицейского вы просто красавчик. – Но тут же добавил: – Так сколько вы сегодня вечером выпили?

И это походило на нож, коварно всаженный в спину.

"Вечно одно и то же, – подумал Тиллмэн. – Стелют мягко, а спать потом будет жестко. Главное, не распускать язык".

В седане бежевого цвета прибыли детективы. Вид у них был радостный и вместе с тем гнусный. Радостный, потому что у них нашлось чем заняться дождливой ночью. А гнусный, потому что за эту вылазку под дождь они собирались спустить с первого, кто подвернется им под руку, три шкуры.

Тиллмэн узнал в них своих знакомых – и обрадовался.

Мало того, что они были знакомы. Эта парочка принимала участие в съемках сериала в качестве технических консультантов. Несколько месяцев назад. Лаббок и Джексон.

Тиллмэн подумал, что, строго говоря, может назвать их своими приятелями.

Дождь уже еле накрапывал. Может, тучи сейчас разгонит. И рано или поздно выглянет солнышко. Тиллмэн встал на тротуаре около подъездной дорожки, дожидаясь, пока детективы не заметят и не узнают его, а Лаббок меж тем подсел к трупу водителя, подвернув полы плаща, чтобы не елозить ими в луже. Джексон встал рядом с ним. Он посмотрел на Тиллмэна, однако ничего не сказал. А Лаббок и вовсе смотрел сквозь актера, словно тот был стеклянным. Оборн со служебным блокнотом в руке подошел к Джексону.

– Привет, – сказал Тиллмэн. – Ну и в дерьмо мы вляпались!

– Вы что-то сказали? – откликнулся Лаббок.

– Вы это мне? – спросил Джексон. Тиллмэн почувствовал во рту едкий вкус желчи.

– Да вы, парни, меня, должно быть, не узнаете…

– Почему же, мистер Тиллмэн, мы знаем, кто вы. – Джексон шагнул к нему. – А что вы делаете на улице в такой час?

Оборн пробормотал ему что-то на ухо, стараясь, чтобы Тиллмэн даже по шевелению губ не догадался, что именно. Джексон тщательно выслушал, причем на его широком лице не появилось и тени улыбки. Вид у него был самый серьезный, чтобы не сказать угрожающий.

– Офицер Оборн сообщил мне, что вы сидели за рулем "БМВ".

– Именно так.

– Судя по всему, «БМВ» врезался в эту колымагу, – сказал Лаббок. – И прикончил горемычного ублюдка на месте.

– Мгновенная смерть, – согласился Джексон.

Лаббок встал во весь рост. Он щелкнул пальцами, показывая, как мгновенно должен был погибнуть водитель.

– Крайне скверно.

Он подошел к телу, покрытому одеялом. Тиллмэн двинулся было следом за ним. Джексон, резко развернувшись, преградил ему путь.

– Куда это вы собрались, мистер Тиллмэн?

– Я только собирался…

– Стойте, где стоите, мистер Тиллмэн. Ни к чему топтаться во всей грязи, которая тут найдется. И держитесь в сторонке до тех пор, пока вы нам не понадобитесь. Мистера Тиллмэна уже проверили на алкоголь?

– Нет еще, – ответил Оборн.

– Он прошелся по прямой, нашел вслепую кончик носа?

– Еще нет.

– Скверно, офицер. Делайте то, что вам положено.

Оборн кивнул, однако не стал приставать к Тиллмэну.

Лаббок заглянул под одеяло.

– Обезглавленная потаскушка, Джексон. Что по этому поводу думаешь?

– Думаю, что это предельно паршиво.

– Послушайте, ради всего святого, – сказал Тиллмэн. –

Какого хрена вы так со мной разговариваете? Я думал, мы кореши.

– Вот как? А я вот не думаю, что мы с вами кореши. Знакомые, это допустим. Но даже будь мы с вами и впрямь корешами, дело очень серьезное и мы должны отнестись к нему с максимальной серьезностью. Так что пивко мы с вами пить не будем, по плечам друг другу хлопать тоже не будем и рассказывать друг другу похабные истории не будем. И давать ложные показания тоже не будем.

– Ради всего святого, я и не собирался давать вам ложные показания.

– Мне бы не хотелось, чтобы вы так часто суесловили, мистер Тиллмэн, – сказал Джексон. – Я, знаете ли, набожный католик.

Подъехал лейтенант полиции в форме. Лаббок, Джексон, Оборн и Шуновер тут же слетелись к начальнику, как мотыльки на пламя. Минуты три они о чем-то докладывали ему приглушенными голосами. Время от времени оба детектива и лейтенант посматривали в сторону Тиллмэна.

Сирена "скорой помощи" взревела на расстоянии пяти кварталов отсюда. И тут же, волчицей, отвечающей на любовный призыв, взревела вторая сирена, с противоположной стороны.

Лаббок и Джексон подошли к Тиллмэну. Лица обоих сияли.

– Ну что, сукин сын, в большое дерьмо мы вляпались, –

воскликнул Лаббок.

– Пару минут назад Эммет сказал буквально то же самое, – радостно объявил Джексон, как будто подобное совпадение само по себе создавало повод для веселья.

– Вот так история! Дружище Эммет вечно найдет, куда вляпаться. Верно, старина?

– Ради всего святого, парни, ну, и страху вы на меня нагнали, – воскликнул Тиллмэн. Он хотел было похлопать Лаббока по плечу, но тот увернулся, и актер вспомнил все предупреждения, которые делали ему Кейп и даже Свистун. – Вы повели себя так, словно меня впервые увидели.

– Ну, понимаешь, Эммет, мы консультировали ваш сериал только восемь недель, а потом нас уволили.

– Я не знал об этом.

– Да, велели нам убираться на все четыре стороны, – сказал Лаббок.

– А с какой же стати?

– Честно говоря, сами не знаем.

– Хотя… – встрял Джексон. – Нам намекнули, будто ты к этому руку приложил.

– Да ради всего святого… мне так жаль…

– Забудь об этом. Никаких обид.

– Я хочу сказать, что за блядство! С какой стати я бы стал требовать, чтобы вас убрали из сериала?

– Вот нам и самим это было интересно. Ты же понимаешь, о чем я? Нам-то всегда казалось, что мы с тобой закореши-

лись, – заметил Лаббок.

– Да, знаешь, как оно бывает. Пропустишь пивка, похлопаешь друг дружку по плечу, расскажешь какую-нибудь похабную историю, – добавил Джексон.

– Ну, на хер, так же оно на самом деле и было! А кто сказал вам, будто я покатил на вас бочку?

– Однозначно не сказал никто. Но Мэнни Острава, увольняя нас, намекнул на что-то в этом роде.

– Врун паршивый! Джексон посмотрел на Лаббока.

– Разве я не говорил тебе, что старина Эммет на такое не способен?

– Именно это ты и говорил. А теперь, Эммет, насчет этого мертвого гражданина и безголовой пробляди…

– Ни хрена себе!

Джексон мрачновато усмехнулся.

– Ты хорошенько рассмотрел эту штуку под одеялом?

– Мне не хотелось как следует вглядываться.

– Ну, это понятно. Тебя бы просто стошнило. Да и ничего удивительного!

– Просто чудовищно.

– И выглядит, на хер, совсем как настоящая.

– Что ты имеешь в виду?

– Вот видишь, и ты поверил. А она ненастоящая. Чего нет, того нет. Надувная. Этот мужик на мостовой – он занимался трюками на киностудии. Он-то и на самом деле мертв, а бабенка – надувной манекен.

Прибыла первая из карет "скорой помощи". Частная. Имя владельца – Хаймер Морчуари – скромной золотой краской выведено на дверце.

Глаза у Борна полезли на лоб. Ничего не понимая, он уставился на Шуновера. Меж тем двое сотрудников частной службы "скорой помощи" молча взвалили безголовое тело на носилки. Тело попрежнему было покрыто одеялом, которое накинул на него Боско. "Трупный комбинезон" припасти не озаботились.

Лаббок, Джексон и Тиллмэн застыли в ожидании.

Лейтенант, Оборн и Шуновер держались так, словно им каждый день доводится транспортировать обезглавленные трупы.

Уличные бродяги, пропойцы, потаскушки и прочий сброд наблюдали за происходящим с таким интересом, как будто оно было телепремьерой.

Из-за стеклянной витрины «Милорда» на улицу смотрел Боско. Его преследовала фантомная боль в несуществующей руке, которую отчаянно хотелось сжать в кулак.

Через минуту после отбытия частной кареты "скорой помощи" прибыл фургон из морга. Женщина-эксперт самым тщательным образом осмотрела тело водителя. Впрочем, на весь осмотр ей понадобилось не больше минуты. Водителя одели в «комбинезон», погрузили в машину, и фургон убыл.

– Вот чем мы займемся, – сказал Лаббок. – Прямо сейчас заслушаем подробный отчет офицера Оборна. Позвоним в

техническую мастерскую, велим забрать красавчик «БМВ» и перевезти его на полицейскую стоянку. Чтобы у тебя не было никаких неприятностей.

Джексон что-то прошептал ему на ухо.

– Ты прав, – согласился Лаббок. – Послушай, Эммет, мы попробуем пошевелить мозгами так, чтобы твоя фамилия не попала в рапорт. А ты отправляйся домой, и можешь выкинуть все это из головы. Договорились? Словно ничего и не было. А мы уж проведем такую зачистку, чтобы комар носа не подточил.

В особняке Уолтера Кейпа не было сейчас никого, кроме уборщиков и постоянных слуг. Последние по большей части давным-давно легли спать в дальнем крыле здания.

Телефонный звонок раздался примерно через час после того, как Кейп разбудил Буркхарда. Так что сомневаться в компетентности последнего не было никаких оснований.

– Ваш друг-актер вернется домой с минуты на минуту. А может, уже вернулся, – начал Буркхард.

– Один ноль в вашу пользу, Билл.

– Я не веду подсчет очков.

– Ну ладно, Билл, вы меня знаете, за мной не пропадет.

– Проехали.

– А как вы распорядились обезглавленным телом?

– Отправил его на частное кладбище.

– Вот как?

– Не хочу, чтобы репортеры рвали мне подметки прямо

сейчас. А чем вы недовольны, Уолтер?

– Понимаете, Билл, мне не чуждо естественное любопытство.

– На частном кладбище имеется морг – и тело пробудет там до тех пор, пока я не разберусь, что, собственно, происходит.

– А вам уже удалось что-нибудь выяснить?

– Почти ничего. Такое время суток, Уолтер. Большинство людей сейчас в постели. Я выяснил, что погибшего в аварии водителя звали Вилли Забадно, он был ночным сторожем деревенского морга. Соответственно, можно почти со стопроцентной гарантией предположить, что и тело откуда-то из сельской местности… Теперь мне остается выяснить, кем была девица и с какой стати этот Забадно повез ее покататься дождливой ночью… Знаете что, Уолтер?

– Что, Билл?

– Чертовски забавно жить в этом городе.

Вернувшись домой, Тиллмэн первым делом проблевался в туалете. Это несколько привело его в чувство, поэтому он проследовал к бару и смешал себе коктейль. Открыв жалюзи, окинул взглядом голливудскую панораму. В небе проплывал самолет, сияя россыпью рубиново-красных и изумрудно-зеленых огней. Тиллмэну захотелось заплакать. И удержался он от слез лишь из страха, что, раз заплакав, не сможет остановиться. Он не удивился бы, если бы этот чертов самолет сейчас рухнул наземь. Пронзительно заверещал те-

лефон. «Начинается», – подумал он.

– Я звоню сюда каждые пятнадцать минут, – сказала Шила. – И уже собралась было позвонить в городскую тюрьму.

– А с какой стати ты так волнуешься, солнышко?

– Я боялась, что тебя упрячут за решетку. Прицепятся к чему-нибудь – и упрячут.

– Если бы ты позвонила туда, поднялся бы страшный переполох. Полицейские на месте даже не сообразили бы, о чем ты толкуешь. Друзья предложили мне отправиться домой и выкинуть всю эту историю из головы.

– Просто так? Просто так взяли и отпустили?

– Господи, Шила, с кем, по-твоему, ты связалась? С каким-нибудь ничтожеством в весе пера?

– Вес пера – это не про тебя.

Ну ладно, раз уж она сказала это, то почему не добавила, что и «ничтожество» – это тоже не про него? Или она дает ему понять, что считает его как раз ничтожеством? Или намекает на то, что решила сыграть собственную игру? Хитрожопая поблядушка!

– Ну и как, этот говнюк благополучно доставил тебя до дому?

– Если ты считаешь его говнюком, почему ты позволил ему увезти меня? Ты ведь его впервые в жизни видел. Он ведь вполне мог оказаться насильником.

"Что ж, – подумал Тиллмэн, – значит, обломилось бы мужику такое, чего он в жизни не нюхал".

– Я решил избавить тебя от допроса. От целой кучи неприятностей.

– А себя ты решил избавить от кое-чего похлестче. Может, и от тюремного заключения.

"Ах черт, – подумал Тиллмэн, – вот оно, начинается. Прежде чем кадрить эту девку, надо было приглядеться к ее клыкам и коготкам. Да, но интересно, кого она из себя строит? Да ведь и в машине ломалась…»

– Ну-ка повтори.

– Меня мучают угрызения совести. Мы с тобой занимались тем, чем не положено заниматься в машине, ночью, на скользкой дороге, а в результате произошла авария и в ней погиб, как минимум, один человек. Мне теперь не заснуть. И не думаю, что я в ближайшее время смогу заснуть спокойным сном.

– Прими валиум, – стараясь сохранять хладнокровие, сказал Тиллмэн.

– Таблетки вызывают привыкание. Нет, мне надо чем-нибудь забить себе голову и утомиться как следует – а уж потом я свалюсь в койку и засну.

– Ну, и есть что-нибудь на примете?

– Вот на съемках я только работаю, ем и сплю. То есть, я ничего не имею против, но съемки забирают у меня всю энергию. Я работаю, ем и сплю. И если бы меня пригласили на съемки…

– В моем сериале…

– Ну, я думаю, для тебя это было бы совсем просто. Ты же и так не в весе пера.

– Маленькая роль? Контракт на два-три дня?

– Пожалуй, этого хватило бы. Впрочем, не знаю. Но можно попробовать.

– Может быть, мне удастся заставить их вписать в сценарий роль недельки так на четыре, на пять?

– Это было бы просто великолепно! Я хочу сказать, долгие часы репетиций, а потом съемки – это так вымотало бы меня, что каждый вечер, придя домой, я сразу же засыпала бы. Каждый вечер в течение нескольких недель!

– Потому что, принимая участие в съемках, ты только тем и занимаешься, что работаешь, ешь и спишь.

– Ну, и еще, возможно, время от времени с кем-нибудь трахаюсь.

– Ага, понятно. Только знаешь что?

– Что?

– Трахаться тебе придется с самой собой.

– О Господи, как вспомнишь этот обезглавленный женский труп! На мостовой, под дождем, совершенно обнаженный… Такое не скоро забудешь.

– А никакого трупа не было. Это был манекен. В разговоре возникла смутная пауза.

– Это, должно быть, какая-нибудь хохма? Типа выражения: никакая это не женщина, это моя жена?

– Объясняю тебе, что тревожиться тебе не о чем. И впа-

дать в бессонницу у тебя нет повода. Я не дам тебе никакой роли, а что касается твоей мохнатки, так, по мне, можешь ее просто-напросто зашить. Вот такие-то дела, милая!

– Что ж, мне придется все это тщательно продумать. И, может быть, обратиться за советом к умным людям.

Она повесила трубку. Тиллмэн тут же позвонил Кейпу. Впрочем, позвонить туда ему было велено.

– Я к вашим услугам, Эммет. Вы уже дома?

– Да, сэр, дома.

– Ну, и как все прошло?

– Просто ничего не могу понять. На мостовой лежали два тела. Одно из них обезглавленное. Полицейские, приехав, принялись давить на меня. Ну, сами понимаете. Никаких улыбок. Никаких шуточек. Этак вежливо, но с угрозой. Имя, адрес, телефон. Они узнали меня, они меня прекрасно знали, но и виду не подали. Затем приехали детективы. Еще того не легче. Буквально буравят меня взглядами. Понимаете, что я хочу сказать? Дают мне понять, что я лжец и убийца и что мне нужно держать ухо востро, иначе они вздернут меня на ближайшем уличном фонаре.

– Это были ваши знакомые?

– Ну конечно же! Лаббок и Джексон. Я их знаю по работе над сериалом. Понимаете, что я имею в виду? Восемь недель они сидели у нас на жалованье. Профессиональные консультации. Они мне это напомнили, да только я и сам это знал. Насчет восьми недель не знал, а про консультации знал. Мы

с ними работали вне павильона. На улицах. Днем и ночью. Не раз пили пиво. Я думал, они мои кореша. Лаббок и Джексон. Вы с ними знакомы?

– А что, у меня есть причина для знакомства с ними?

– Нет, конечно же. Это я сдуру брякнул. С какой стати вам знать людей вроде Лаббока и Джексона? Просто я решил, что вы всех на свете знаете.

– Я знаю всех, кого мне хочется знать. Всех, знать кого у меня есть причина. Так что и с этими детективами мне придется познакомиться. Лаббок и Джексон, вы говорите, И они насели на вас всерьез и…

– Сперва насели. Они подошли к обезглавленному телу, сняли с него одеяло, которым укрыл его хозяин кофейни, и посмотрели на меня так, словно я эту женщину обезглавил. А тут подъехал инспектор в форме. Они поговорили. Все полицейские собрались в кружок и о чем-то поговорили. И вернулись ко мне – сама любезность. Сказали мне, что никакой это не труп, а всего лишь манекен. Сказали, чтобы я отправлялся домой и выкинул всю эту историю из головы. Я ушам своим не верил. Поезжайте, говорят, домой и обо всем забудьте. Они составят отчет. Они произведут зачистку. Именно так они и выразились. Мне не о чем беспокоиться… Господи!

– А в чем дело?

– Я же не могу забыть об этом. Я не могу забыть о том, как обнаженное тело вываливается из багажника. Ее голые

ноги торчали из-под одеяла. Вернувшись домой, я блеванул в клозете.

– Ну, это от выпитого. А что касается остального, это действительно был манекен. Из фильма ужасов. Разве не так вам объяснили полицейские?

– Именно так. И мне не о чем беспокоиться. Они произведут зачистку.

– Что ж, значит, так оно и будет, – сказал Кейп. – А сейчас ложитесь в постель и постарайтесь хорошенько выспаться.

Тиллмэн прокашлялся. Кейп пока не вешал трубку. В конце концов он спросил:

– Еще что-нибудь?

– Женщина, с которой я был. Шила Эндс… Она мне звонила.

– Она благополучно добралась до дому?

– Да, с этим не было никаких проблем. Я отослал ее, потому что решил избавить от неприятностей. А она решила, будто я отослал ее, чтобы она не сообщила полиции о том, чем мы занимались прямо перед аварией.

– Когда вы убили водителя колымаги, потому что одной рукой лезли ей между ног? Не будем заниматься самообманом, Эммет. Чего она требует?

– Помощи в своей артистической карьере. Серьезной помощи.

– И что вы ей ответили?

– Я объяснил ей, что это был манекен.

– И что она ответила?

– Сказала, что ей это надо продумать и, не исключено, посоветоваться с умными людьми.

– Выкиньте ее из головы. Мы это уладим. Ну, а теперь-то вы мне выложили уже все?

Тиллмэну когда-то сказали, что секрет успеха Кейпа заключается в том, что тот умеет читать чужие мысли. И делает он это, улавливая модуляции в голосе собеседника и правильно оценивая паузы в разговоре. Вот и сейчас он подумал о том, не догадался ли Кейп о некоем пропуске в рассказе актера. А Тиллмэн ведь ни слова не сказал ему об этом поганом шакале, об этой ночной недотыкомке, о Свистуне. Ему не хотелось рассказывать о том, что он сдал бабешку на руки частному сыщику. Иначе Кейп поймет, что Тиллмэн еще глупее, чем кажется с виду.

– Это все.

– Тогда дайте мне адрес и телефон этой Эндс, а сами идите наконец спать.

Глава седьмая

Дом Тиллмэна стоял на Вудро-Вильсон-драйв, в местности, смахивающей на сельскую. Одна из уловок, к которым прибегают выходцы из захолустных городков и с жалких ферм, ненавидящие большой город, но бессильные проститься с ним, потому что он приковывает их к себе золотыми цепями. Так что подобные кварталы и впрямь смахивали на захолустные городки. Однако жизнь в таком «городке» стоила бешеных денег.

Здешние богачи выкладывали по полмиллиона за точную копию деревенского дома, который сам по себе стоил всего шестьдесят тысяч. Сверхбогачи жили в стилизации под старину, что стоило еще дороже.

Дом, принадлежащий теперь Тиллмэну, построили шестьдесят лет назад для звезды немого кино. Его перестраивали и укрупняли с тех пор множество раз, и только резные карнизы и замечательно красивые медные водостоки остались сейчас на память о той изящной вилле в средиземноморском стиле, которой этот дом некогда являлся. Хотя со всеми своими пристройками и надстройками дом этот был не больше гаража в особняке у Кейпа.

Три подсвеченные из мрака указателя при въезде на частную дорогу, обрамленную с обеих сторон цветочными газонами, гласили:

ОСТОРОЖНО. СТРЕЛЯЮТ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ.

Чугунные ворота распахнулись перед Уистлером, подведшим свой «шевроле» к ним вплотную. По траве газона здесь и там поблескивали наземные фонарики. Дождь, строго говоря, уже кончился, переродившись в густой туман. Вот-вот должно было выглянуть солнышко.

Тиллмэн, в легких белых брюках, в сандалиях на босу ногу и рубашке с открытым воротом, шел по дорожке с такой непринужденностью, как будто стоял час вечерних коктейлей. В руке у него был высокий бокал. Уистлер остановил машину.

– Ворота у вас на электроприводе, а что делать, если вырубится электричество? – спросил Свистун, протягивая через открытое окошко руку для рукопожатия. Тиллмэн решил воздержаться от подобных любезностей.

– Тогда вручную, – ответил он.

– А у вас есть прислуга для подобных дел?

– Руки у меня не переломаны, поэтому сам справляюсь.

Тиллмэн говорил равнодушно и старался смотреть в одну точку – в аккурат между глазами Уистлера.

"Актерские фокусы. Держись с предельной надменностью, авось, поверят, – подумал Свистун. – Я не нравлюсь Тиллмэну, и он вовсе не собирается превратить нашу встречу в дружескую посиделку".

– У одного моего друга были ворота на электроприводе, – сказал Свистун. – А к нему приехал приятель похвастаться

новеньким «роллс-ройсом» белого цвета, ценой в сто двадцать тысяч баксов. А чертовы ворота забарахлили. Вверх решетка, вниз решетка, вверх решетка, вниз решетка, а внизу «роллс-ройс». Ремонт обошелся в двадцать две тысячи долларов.

– Мне знакомо это ощущение, – ответил Тиллмэн. – Дело не в цене, дело в чувстве собственного достоинства. Я не могу дать мальчишке на автостоянке четвертак – это непременно должен быть доллар.

Внезапно он стал воплощением любезности. Забыл о том, что терпеть не может Свистуна, и принялся непринужденно болтать.

– Победителей никто не любит, – сказал Уистлер.

– А мне казалось, что удастся как-нибудь обойтись без этого, – чуть нахмурившись, сказал Тиллмэн.

Вид у него стал внезапно растерянным: как у мальчика из сказки, потерявшего неразменный золотой.

– Каким только глупостям нас не учат в школе! Свистун выбрался из машины, теперь двое мужчин смотрели друг другу прямо в глаза.

Тиллмэн дал Свистуну подержать свой бокал. Полез в карман и достал тонкую пачку банкнот, скрепленную серебряной скрепкой. С виду все купюры в этой пачке были сотенными. Тиллмэн выудил две купюры и зажал их кончиками пальцев, словно вознамерившись дать на чай мальчику с автостоянки.

– Спасибо, не надо, – сказал Свистун.

– Две сотенные. За то, что отвезли Шилу домой. Берите, не стесняйтесь.

– Спасибо, не надо.

– Вы их заработали. Она перезвонила мне и сказала, что вы вели себя молодцом.

– А как поживает мисс Эндс? – спросил Свистун, держа глаза и руки подальше от сотенных.

– Послал ее на хер.

– Вот как?

– Она сказала, что я перед ней в долгу. Свистун кивнул, словно бы соглашаясь, правда, неизвестно, с чем, но ничего не сказал.

– Подсказала мне, каким образом я мог бы с ней рассчитаться, – пояснил Тиллмэн.

– Жадная, выходит?

– Да нет. Готова была начать с малого. С крошечной роли. На одну-две серии. А на следующий год, допустим, уже второстепенный персонаж на полгода.

– Ну, так почему бы и нет? Она ведь вам нравится, да и на деле доказала вам свою преданность, не так ли?

– Охотница половить рыбку в мутной воде, подобно всем остальным.

– Какого черта, – сказал Уистлер. – Есть люди, не умеющие найти конское яблоко на конюшне.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что некоторым фатально не везет. Какая бы карта ни шла к ним в руки, на последней сдаче они все равно проигрывают. И остаются без гроша, и лезут из кожи вон, чтобы поднабрать деньжат на следующий вечер. Откуда угодно. И от кого угодно.

Двое мужчин яростно смотрели в глаза друг другу. У Тиллмэна были деньги, и он обладал актерскими навыками – и то и другое вместе представляло собой двойную фору.

"Ради всего святого, – подумал Свистун, – что-то наверняка случилось в его пользу. Этот ублюдок не испуган и ведет себя так, словно у него нет никаких причин пугаться. Надо бы взять у него эту пару сотен и сделать ноги".

– Что ж, если меня попросят как следует, то, может быть, я и дам. Но держать себя под дулом пистолета я не позволю, – сказал Тиллмэн.

– Насколько я понимаю, роли мисс Эндс не видать, – сказал Свистун.

– Ей еще повезло, что я не попросил кое-кого с нею разобраться.

– Ах вот как! Значит, в ваших правилах и такое?

– Возьмите свои две сотни, мистер Уистлер.

– Если вы полагаете, будто вся моя заслуга в том, что я отвез даму домой, этого слишком много.

– Я не скуплюсь на чаевые. Я плачу даже тем, кто оказывает мне дурные услуги.

Тиллмэн усмехнулся, показав пятитысячедолларовую ра-

боту дантиста. У него был сейчас вид игрока в покер, у которого на руках флеш-рояль, а ставки все удваиваются и удваиваются. Даже человеку с крепкими нервами против такого долго не продержаться.

– Вы все не так поняли, Уистлер. Приехавшие Детективы…

– Как их зовут?

– Лаббок и Джексон. Черт побери, с какой стати я должен называть вам их имена?

– Подумаешь! Что это, тайна?

– Ну вот, они повели себя со мной надлежащим образом. – Тиллмэну казалось, будто, рассказывая об этом, он одерживает решительную победу над оппонентом. – Мы с ними оказались добрыми знакомыми. Не раз пили пиво. И отнеслись они ко мне как к другу. Более того, как к коллеге.

– И не оштрафовали вас за вождение в нетрезвом виде?

– Вот еще!

– Что это значит – вот еще?

Тиллмэн внезапно замолчал. Его рот превратился в ниточку, оскорбленно скрутившуюся на одном конце и насмешливо подрагивающую на другом. И вновь он помахал в воздухе двумя сотенными.

– А что насчет мертвого водителя? – спросил Свистун. – Что насчет обезглавленного тела?

– Никакого тела не было, идиот вы несчастный! Это был манекен из инвентаря киностудии. Водитель вез его в съе-

мочный павильон.

Свистуна внезапно скрючило: сырость отозвалась судорогами в паху.

– Берите же! – Тиллмэн вновь подсунул ему сотенные. – Вы все сделали правильно. Доставили эту сучку домой.

Свистун уставился на деньги, потом посмотрел Тиллмэну в глаза. Ему хотелось предложить актеру вставить эти сотни себе в задницу. Но из-за этого минутного удовольствия, подумал Свистун, тебе придется вернуться домой на две сотни беднее.

Он взял деньги из руки у Тиллмэна, не прикоснувшись пальцами к его пальцам и не оторвав взгляда от его глаз. Сложил их в четыре раза и спрятал в кармашек для часов. Мелкая добыча. Вернулся в свой "шевроле".

– Остается надеяться на то, что ваши ворота не нападут на мою машину.

Глава восьмая

Дождь в конце концов так и не прекратился. На всех четырех углах вновь не осталось ни души. У «Милорда» по-прежнему никого не было, кроме самого Боско, сидящего на высоком стуле за стойкой, и печального бродяги в мокрой фетровой шляпе, который, притулившись к стойке, хлебал из тарелки суп.

Айзек Канаан, а звали этого бродягу именно так, был третьим по должности детективом в голливудской полиции нравов, отдел по борьбе с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних. Глаза у него вечно были красными, словно он только что прекратил плакать. Работать он предпочитал в одиночку; о нем поговаривали, будто он никогда не спит.

Боско читал сочинение Чарльза Дарвина о естественном отборе как универсальном законе существования и развития. На огонек заглянул Свистун – и уселся в нише у окна. Поглядел в окно на обломки афишного стенда, все еще валяющиеся на тротуаре. Все остальное уже убрали; разве что кое-где попадались осколки стекла и подозрительного происхождения пятна.

Боско подошел, сунув книгу под мышку ампутированной выше локтя руки, и подал Свистуну чашку кофе.

– Присядь, – сказал тот. – Послушай, что мы сегодня ночью тут видели?

– Аварию, в которой погиб водитель и выбросило из машины обезглавленный труп. Аварию, виновником которой стал телеактер, то ли пьяный, то ли нанюхавшийся, которому захотелось побаловаться в машине вместо того, чтобы следить за дорогой.

– Именно так ты и ответил бы, если бы тебя спросили в официальном порядке?

– Нет, я бы сказал, что кто-то в машине отчаянно нажал на тормоза, чтобы не задавить бездомную кошку, после чего автомобиль пошел юзом и врезался в фонарь, убив самого водителя и выбросив на мостовую надувную куклу для кинотрюков, которая выглядела как обезглавленная женщина.

– Это ты и сказал?

– На этом и присягнул.

– Как же такое вышло?

– Потому что полицейские объяснили мне, что я видел именно то.

– Быстро же ты сдался!

– Я никогда не перечу полицейским. Боско с виноватым видом потер культю.

– Ну и говном же они нас заделали!

– Да кому какая разница? Кто станет докапываться до истины?

– Что, эта твоя штука тревожит тебя?

– Все время. То она чешется, то в ней появляется нечто вроде пульса, а то мне кажется, что и рука цела, даже кисть.

Иногда мне кажется, будто я чувствую на коже ремешок часов, которые носил на этой руке.

– И как ты с этим борешься?

– Я никак не борюсь с вещами, бороться с которыми невозможно, – ответил Боско на все заданные ранее Свистуном вопросы.

– Такую премудрость ты извлек из всех книг, которые прочитал?

– Я извлек из книг, что мир или не замечает тебя, или же норовит загнать тебе дурака под кожу, – ответил Боско. – Я научился не слизывать слезу со швейцарского сыра. Научился тому, что железо имеет свойство ржаветь.

Здоровой рукой он стиснул Свистуну запястье медвежьей хваткой.

– Послушай, Свистун, тебе что, невдомек, что уже день? Что, не будь дождя, вовсю сияло бы солнце? Иди проспись. Нынешним утром ты этот мир все равно не спасешь.

– А тебя не занимает такой факт? В Новом Орлеане находят голову в отсутствие тела, а у нас, в Лос-Анджелесе, тело в отсутствие головы?

– Меня нет. В отличие от того истукана. Свистун посмотрел на сидящего у стойки Канаана.

– А он знает об аварии?

– Я у него не спрашивал, а сам он об этом не говорил.

Свистун встал из-за столика и подсел к детективу.

– Об аварии я слышал, – сказал тот.

– Когда?

– Только что.

– У вас отличный слух.

Канаан высыпал горсть крекеров в остатки супа.

– Завтрак? – спросил Свистун.

– Ужин.

– Ну, и почему, по-вашему, они раскрыли такой зонтик над Тиллмэном, что ему на голову не упало и капли?

– А кто такой Тиллмэн?

– Телеактер. Да вы сами знаете.

– Нет, не знаю. У меня нет времени смотреть телевизор. Да я бы и не понял, что показывают.

– Ну, так что вы об этом думаете?

– Думаю, что это дело по ведомству дорожной полиции. А возможно, и по отделу расследования убийств.

– Его отпустили Лаббок и Джексон.

– Наверное, у них были на то свои причины.

– А вам не хочется выяснить, какие именно?

Уперевшись локтем в стойку и продемонстрировав при этом три дюйма грязного рукава, Канаан поднял в воздух волосатую руку, почти столь же крупную, как у Боско.

– Что это такое?

– Ваша рука.

– А не лапа? Я хочу сказать, вы твердо убеждены в том, что это рука, а не лапа?

– Я вижу, что это не лапа.

– А не кошачья лапа?

– Какого хера!

Свистун посмотрел на Боско, призывая его в свидетели того факта, что человек у стойки явно сошел с ума.

– Байка про кошачью лапу, – начал было Боско.

– Да знаю я, что такое кошачья лапа, – заорал Свистун.

– Детектив Канаан полагает, что ты вновь пытаешься использовать его в собственных интересах.

– Да не прошу я его ни о чем. Просто поддерживаю светскую беседу.

– А попросишь потом. С тобой, Свистун, всегда так, – сказал Канаан.

– Ну, я полагал, что если вы что-то случайно узнали, то могли бы поделиться со мной. Не понимаю, почему это должно считаться одолжением.

– Просто все это тебя не касается. Вот в чем дело.

Свистун полез в карман.

– Только без этого, Свистун. Не вздумай платить за мой суп.

– Ну, как знаешь.

– Хреново, правда? Даже тарелкой супа друга не угостить!

Уистлер устал, но спать ему не хотелось. Он решил пройтись по бульвару. Хотя прогулка и началась под проливным дождем. Он полюбовался на себя в темном зеркале стеклянной витрины. Волосы налипли на лоб. Дождь струйками, похожими на слезы, стекал по всем складкам жесткого лица.

Он завернул под первый попавшийся кров – и очутился в кинотеатре для взрослых. У билетерши в прозрачной будке тело напоминало россыпь влажных подушек. На постели, на которой занимались чем угодно, кроме спокойного сна. Взяв деньги и оторвав билет, она смерила посетителя столь убийственным взглядом, что ему показалось, будто его сейчас задавят ляжками или задушат грудями. И эта внезапная, с трудом сдерживаемая ярость объяснялась просто: она поняла, что этот клиент не стал бы спать с нею, даже если это было бы вопросом жизни и смерти. Ухмыльнувшись акульим оскалом, она назвала его дорогушей.

Да и на кого она охотилась, сидя в билетной будке в шесть утра, подумал Свистун. Это же противоестественно. На такое могла бы решиться лишь настоящая вампиресса.

Матовый свет, которым был залит кинозал, напоминал туманное и ненастное утро на улице. Красные лампочки на выходе лишали помещение приватности, в поисках которой и завернул сюда Уистлер. Без особых усилий он мог различить лица других посетителей. Их, правда, было немного. И все – пожилые люди. В ожидании чуда, которое снизойдет с экрана и вернет им молодость. Руки известно где. Сердца – неизвестно где.

От Свистуна в его мокрой одежде пахло, как от бездомного пса.

На экране прехорошенькая девица занималась с юношей тем, что сулило обоюдное удовольствие. Так ли это на самом

деле? – подумал Свистун. В конце концов, соски у нее стояли торчком, да и вся грудь раскраснелась. Когда нажмешь на нужные кнопки, тело реагирует автоматически. Мигрень и отвращение преодолеваются моментально.

У девушки было лицо ребенка-переростка. Усыпанное веснушками. Но вместе с тем очень милое. В Нью-Йорке он знал добрую сотню таких девиц. И видел тысячи приезжающих в Холливуд, сохраняя это очарование. Надкусывающих отравленное яблоко. Какого черта, подумал он, пожимая плечами. Мир рушится. Так кому какое дело до еще нескольких целок, которым суждено, подобно жене Лота, превратиться в камень?

Он вспомнил об одной девице из далекого прошлого. Ее звали Сьюзи. У нее была хата в одном из тех фантастических отелей, что выстроились вдоль по Сансету. Ее спальня находилась в башне и была круглой формы. И кровать тоже была круглой, а вокруг все было застеклено, так что, отзанимавшись любовью со Сьюзи, ты мог откинуться на подушки и пересчитать все машины на ближайших парковках. Она была самой красивой потаскухой во всем этом городе. Она была живой легендой.

Рассказывали о том, как в ночь перед женитьбой на восходящей кинозвезде в спальню к Сьюзи ломился киногерой мужского пола. И вовсе не ради прощального пересыпа. Нет, он умолял Сьюзи убежать с ним. Она, улыбнувшись, сказала, что такое похищение обернется ему всего в пятьдесят бак-

сов, потому что надо же ей сделать ему свадебный подарок. И эта история была подлинной.

Свистуну она давала за так, потому что находила его хорошеньким, как птичка, а его темно-карие глаза, как она утверждала, заставляли ее кончить от одного взгляда на них. Она называла его своим принцем.

Они расстались, как это случается в Хуливуде. Через двадцать лет Свистун повстречался с Аль Листером, старым частным сыщиком, который обделывал для Сьюзи кое-какие делишки. Главным образом доставал порошок или травку. Сьюзи бесплатно давала и ему – потому что ей было жаль парня и потому что она терпеть не могла расплачиваться наличными. Листер, в отличие от Свистуна, не утратил с нею контакта. И он знал, где она живет.

Листер как раз собирался повидаться с нею, а потом где-нибудь поужинать. Он понимал, что Свистуну не больно-то понравится его общество, если не предложить ему какой-нибудь приманки. Вот он и решил посулить ему Сьюзи в порядке аперитива. Она жила в задрипанном домике, Стоящем посредине выстриженного газона, в Северном Голливуде. Когда она подошла к дверям, встречая гостей, Свистун обмер. Волосы у нее были по-прежнему белокурыми, а глаза по-прежнему синими. И лицо у не было по-прежнему красивым – с изящно изогнутым ротиком и восковым носиком. Но весила она сейчас, должно быть, триста фунтов.

Когда Листер сказал: "Ты ведь помнишь Свистуна, верно,

Сьюзи?", она ответила: "Ага, конечно же" – и чмокнула его в щеку. Свистун понимал, что она отнюдь не рада встрече с ним, потому что она постарела и раздалась в ширину, да и сам он больше не был маленьким принцем. Но все же она пригласила его зайти и предложила выпить.

Они посидели в гостиной, обставленной мебелью с распродаж. Сказать им друг другу было нечего. В углу, в своего рода алькове, она повесила собственную фотографию в двадцатилетнем возрасте, когда она была самой красивой потаскухой во всем Хуливуде, и фотография была чуть ли не во всю стенку. А вокруг было воздвигнуто нечто вроде алтаря и горела дюжина свеч. Свистун, прикончив свой коктейль в два глотка, пробормотал какие-то извинения. С некоторыми делами лучше всего управляться побыстрее.

Между прошлым и настоящим зияет бездна.

На экране любовью сейчас занимались две парочки одновременно.

Свистун заметил, что у него стоит, и это настроило его на грустный лад. Так что он побыстрей ушел отсюда, пробрался под дождем на стоянку «Милорда», залез в свой «шевроле», поехал домой и попытался заснуть.

Солнце светило сквозь туман над холмами. Снизу, навстречу его лучам, поднимался дым цвета табачной жвачки. Сквозь пелену дождя и тумана пробился один-единственный луч, как палец, случайно проткнувший покров, за которым скрывается пустота.

Кейп поднял трубку, не дожидаясь, пока отзвенит первый звонок. Это вновь был Буркхард.

– Еще какие-нибудь новости? – после обмена приветствиями спросил Кейп.

– И да, и нет, – ответил Буркхард.

– Женское тело уже осмотрели?

– Голова у нее отсутствует – что верно, то верно.

Кейп промолчал. Просто подвесил в разговоре, подобно камню на ниточке, молчание.

– Тело женщины азиатского происхождения в возрасте между двадцатью и двадцатью пятью. Возможно, это вьетнамка, – сказал Буркхард.

– С чего вы взяли?

– Ну, кое-что мы в таких вещах понимаем. У японок дрябловатая кожа. У кореянок толстоваты ноги в коленях. У китаянок плоскостопие и вдобавок большая задница. А у этой женщины кожа была прямо-таки жемчужной.

Далеко не каждый способен с таким восхищением говорить о мертвом теле, подумал Кейп.

– Умерла она уже давно.

Лежалый труп. Ничего себе.

– Должно быть, была сайгонской проституткой. У нее соответствующая татуировка на бедрах.

– Какая именно?

– Изображение бабочки.

– Часто попадались такие?

– Достаточно часто.

– Ее забрали из морга?

– На пальце ноги вроде бы был номерок. След остался, а самого номерка нет.

– Картотеку уже просматривали?

– Я как раз звоню из морга, – ответил Буркхард. – Ничего, что соответствовало бы описанию.

– А вьетнамки-то там живут?

– Есть несколько.

– Наверняка кто-нибудь должен хоть что-то про нее знать.

– Люди еще на службу даже не вышли. Наберитесь терпения. А вам ничего не хочется рассказать мне, Уолтер?

– О чем?

– Вот и я спрашиваю: о чем?

– Я всего лишь болельщик, Билл. Иногда лею о том, что не стал полицейским.

– Нам хреново платят, Уолтер. Так что, став миллионером, вы сделали правильный выбор.

Глава девятая

Десять часов утра в Новом Орлеане. На тротуаре возле железной ограды, за которой начинается тенистое пространство, адское пекло. Тени сулили прохладу, но были такими же гладкими, как многие ярды раскатанного в длину бархата. И дом, и двор были обнесены кирпичной оградой высотой в два фута; возле нее маялись от жары стражники.

Дом на улице Урсулинок, теперь превращенный в многоквартирный, имел репутацию истинного вертепа. Особенно живописные ужасы, связанные с надругательством над рабами начисто забитых во всех прочих смыслах садистов-аристократов, излагали в вечерние часы прибывающим сюда набитыми автобусами туристам гиды. А в дождливые или туманные ночи, добавляли они, из древних пыточных камер, ныне используемых как обыкновенные погреба, доносятся жуткие вопли и звон цепей.

Нонни Баркало нравилось как бы поневоле попадать в центр общего внимания. Он любил в послеполуденные или же ранние вечерние часы посиживать на галерее над улицей, потягивая из бокала и позволяя туристам глазеть на человека, у которого хватает дерзости усесться именно там, где витают призраки прошлого.

Во дворе благоухали магнолии – большие белые мясистые цветы, похожие на младенческие ручонки в каплях никоти-

на. Но запах смерти им было не перешибить.

С внутренней галереи возле господской спальни открывался вид на фонтан в центральном дворе. Истекая потом, Баркало пытался представить себе проистекающую оттуда прохладу.

Черт бы побрал этот бессмысленный фонтан! Надо бы поместить туда брикеты льда, подумал он. Охладить воду. Тогда ее испарения, возможно, охладят воздух. Он же сам распорядился об этом чертовом фонтане – только в этом году четыре с половиной сотни ушли на починку, – а проку от него никакого. Все, за что платишь, должно приносить тебе прок. Или его следует уничтожать.

Баркало резко прервал эти размышления. Какого черта ломать себе над этим голову? Да пошел он на хер, этот фонтан. Провались он, пропади он пропадом! Пропади пропадом все, что есть в этом доме, да и сам дом следом за остальным! Пропади пропадом – а он получит страховку. Больше ему тут ничего не нужно. Пропади пропадом весь этот чертов город! Еще несколько мелких дел – и с ним будет покончено. Кое за чем присмотреть здесь и там – и можно сматываться.

Кофе с цикорием, который он пил, пощипывал язык и кишки. Плоские квадратные орешки, заказанные по телефону и доставленные из маленькой лавки на Соборной аллее, осыпали сахарной пудрой губы и подбородок. Он всецело сосредоточился на орешках. И на горьком кофе. Все по поряд-

ку.

Он подумал о том, отказаться ли ему от этой квартиры или оставить ее за собой, чтобы приезжать сюда на зимние вакации. Чтобы приезжать каждый год на новоорлеанский карнавал Марди-Гра. И в память о прошлом откалывать всякие номера. Скажем, устраивать актерские пробы. Может быть, просто отдыхать от Калифорнии с ее крупными шишками на каждом шагу.

Он переходил от одной мысли к другой так, словно сортировал почту. Укладывая каждую идейку в соответствующую ячейку. И каждый раз, извлекая из бокса новую мысль, он сосредоточивался на ней всецело.

"Поглядите-ка на меня, – подумал он. – Отправляюсь на Запад. Начинаю крупную игру. Собираюсь стать хозяином Хуливуда".

На чугунном столике зазвонил телефон. Трубка так раскалилась, что ее было больно взять в руку.

С Побережья до его слуха донеся холодный голос Кейпа.

– Вы уже собрали вещи и готовы к отъезду?

– Надеваю чехлы на мебель, мистер Кейп.

– Ваша дама взволнована предстоящим путешествием?

– Ее не больно-то просто взволновать.

– Я могу вам в этом плане как-то помочь?

– Устройте ей свиданку с каким-нибудь кинокрасавчиком.

Баркало рассмеялся, настолько безумным показалось ему

собственное предложение.

– Это я организовать в состоянии, – деловито ответил Кейп.

– Да ради Бога! Я пошутил…

– Только назовите имя звезды, с которой ей захочется встретиться.

– Господи. Да самый задолбанный – и она сразу на передок промокнет… прошу прощения за мой французский.

– Общий смысл я улавливаю. Если встреча с кинозвездой доставит ей удовольствие, то считайте, что мы договорились.

– Не знаю уж, как отблагодарить вас за такое.

– Есть одна проблемка, Баркало, которую вы могли бы решить в моих интересах. Это займет всего денек-другой. Я отправлю к вам молодую женщину, актрису. Она будет убеждена в том, что должна подменить другую актрису на съемках фильма, проводимых в вашем городе. Она может принести кое-какие неприятности одному из моих друзей.

– И вы хотите, чтобы я обошелся с нею, как с той, прежней? Чтобы у вашего друга не возникло никаких неприятностей?

– Нет-нет, Нонни, на этот раз ничего настолько серьезного. Просто несколько фотографий. Чтобы было чем помахать у нее перед носом, если она не оставит свои требования и угрозы.

– А до моего приезда в Лос-Анджелес это обождать не может?

– Увы. Мне надо отправить ее из города немедленно.

Баркало рассмеялся.

– Понял. Считайте, что дело сделано.

– Назовите ваш гонорар.

– Ни гроша. Это не будет стоить вам ни гроша.

– Мне хочется выплатить вам гонорар.

– Считайте, что это подарок, – ответил Баркало. – Услуга партнеру, услуга другу.

– У вас прекрасные манеры. Я перезвоню вам, как только все организую.

– Всегда к вашим услугам, мистер Кейп.

– Кстати говоря…

– Да, сэр?

– Эта красотка, которую я к вам посылаю… Прошлой ночью она стала свидетельницей дорожной аварии. В ходе которой погиб некий Вилли Забадно. Вы его, случаем, не знали?

– Нет, сэр.

Баркало оставалось надеяться на то, что голос его не выдал. Слух у Кейпа как у лисы. Может, поэтому он такой удачник.

– Из машины выпало тело. Обнаженное женское тело. Обезглавленное.

– Никогда ни о чем подобном не слыхивал.

– Тело молодой азиатки. На бедре вытатуирована бабочка.

– Столько этих татуировок вокруг!

– Так вот, насчет той, предыдущей, женщины, которую я к вам направил. У нее тоже была такая татуировка. Не могло ли это тело случайно оказаться ее телом? Предлагая вам сотрудничество, я сказал вам, что мне необходимы гарантии того, что ничто не привлечет внимания ни к вам, ни ко мне.

– Ради всего святого, мистер Кейп! Думаете, мало потаскушек украшают себе жопу бабочкой? Я скажу вам так: с безмозглыми бабами я имею дело сколько угодно, а с безголовыми – нет уж, увольте!

И Баркало рассмеялся собственной шутке.

– Есть в вас, Баркало, что-то милое, – равнодушно пробормотал Кейп. – Я ведь только спросил. Нет, и в самом деле, только спросил.

Получать информацию в Дорожном управлении – дело безнадежное, если не умеешь вставать на задние лапки и умильно «служить» перед тамошними чиновниками.

Женщина с подсиненными волосами и в гигантских очках не сочла бы Уистлера симпатичным посетителем, даже если бы он вошел на цыпочках и поклонился ей до земли. Она ожесточилась, потому что жестокой была ее жизнь среди картотечных ящиков.

– Я пришел сюда вот за чем, – начал Свистун. – Расспросить об аварии, происшедшей нынешней ночью на углу Голливудского бульвара и Виноградной. Во время аварии пострадали мои газетные автоматы, целых шесть штук. А я с этого живу, и кто-то должен оплатить мне их починку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.